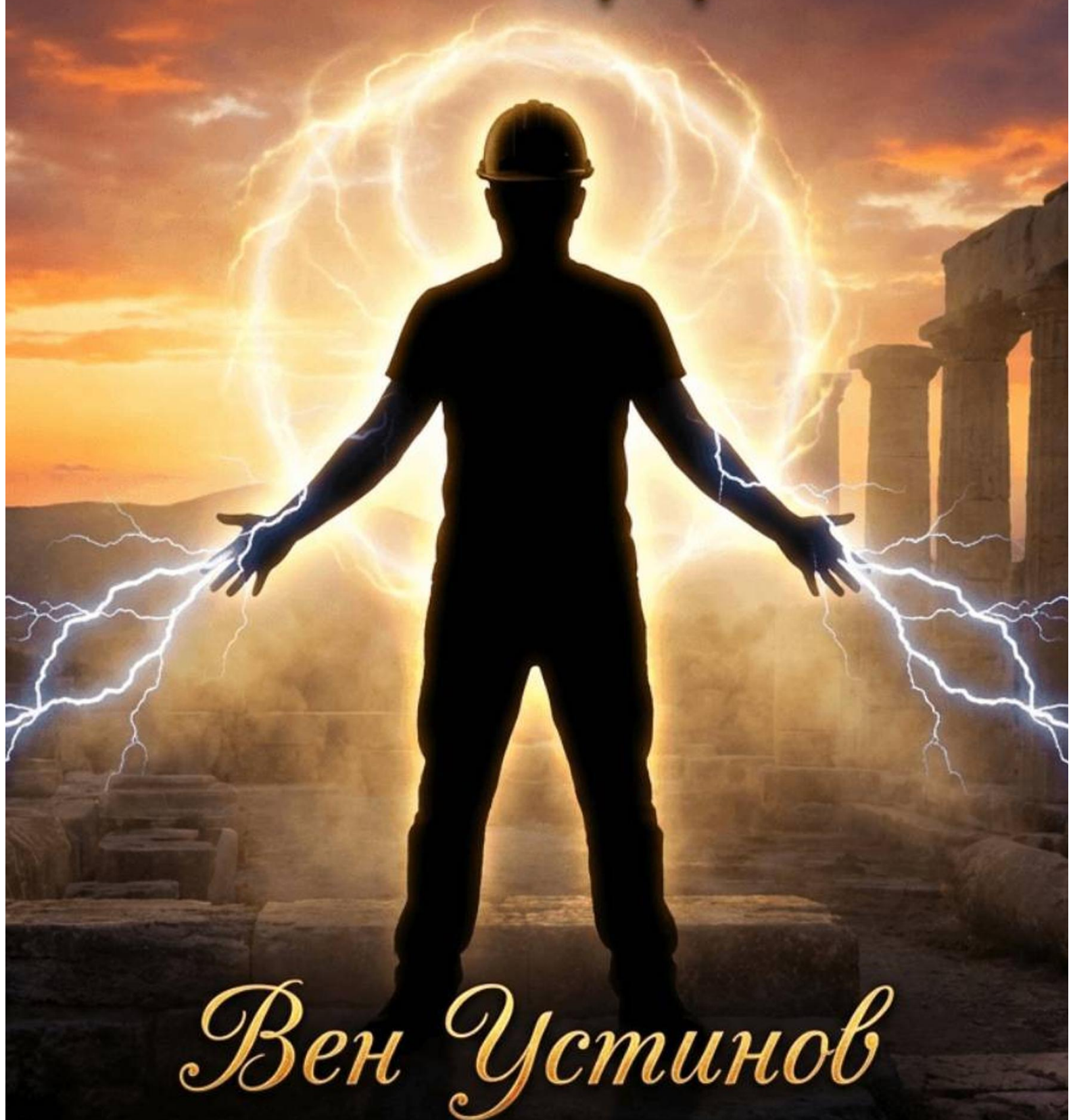

ПРОВОДНИК

Вен Устинов

Вениамин УСТИНОВ

Проводник

«Автор»

2026

Устинов В. И.

Проводник / В. И. Устинов — «Автор», 2026

Он чинит проводку в поселковой больнице и разговаривает с проводами. Он думает, что его место — только у распределительных щитков. Но однажды электрик Владислав едет в Аркаим — древний город в уральских степях, где, по слухам, сходят с ума или обретают силу. Там, на рассвете, солнце входит в него не просто как свет, а как субстанция. Как ток, текущий по жилам самой Земли. Возвращаясь домой, Влад обнаруживает, что видит больше, чем положено простому смертному. Он видит, как бежит энергия в проводах и в людях. Он видит ауры, как разноцветное сияние. Он чувствует больные места в теле так же отчётливо, как перегоревшую лампочку. Теперь его рабочий инструмент — не только пассатижи и изолента, но и ладони, наполненные солнечным светом. Теперь он лечит. По доброте душевной. Тайком. Не прося денег и не требуя славы. Но дар — это не только благословение. Это ещё и напряжение, которое нужно выдержать. Можно ли остаться просто электриком, если ты стал Проводником?

© Устинов В. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Короткое замыкание быта	5
Глава 2. Ржавчина и звёзды	9
Глава 3. Земля, где ток течёт иначе	14
Глава 4. Искра внутри	18
Глава 5. Обратный ток	22
Глава 6. Розетка с душой	27
Глава 7. Проводка судьбы	32
Глава 8. Аура в полночь	37
Глава 9. Короткое замыкание зла	42
Глава 10. Заземление гордыни	46
Глава 11. Собрать две фазы	50
Глава 12. Свет в конце провода	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Вениамин Устинов

Проводник

Глава 1. Короткое замыкание быта

Лампочка в коридоре моргала уже третью неделю.

Владислав шёл на этот вызов как на казнь — не потому, что лень, а потому, что знал: заменишь одну, через два дня перегорит соседняя. Бесконечная белка в колесе. Тридцать пять лет, а жизнь похожа на короткое замыкание: всё то же самое, только искрит сильнее с каждым годом.

— Вла-а-ад! — голос старшей медсестры Марьи Ивановны пробивал бетонные стены лучше перфоратора. — Ты где ходишь? У нас в процедурной свет моргает, бабки пугаются!

— Иду, иду, — буркнул он, затягиваясь сигаретой у запасного выхода.

Последнюю затяжку сделал глубоко, с каким-то даже отчаянием. Выдохнул дым в серое небо. Больница стояла на окраине посёлка Городище — сто пятьдесят домов, магазин, школа, клуб, который уже пять лет как не работал, и эта двухэтажная коробка из силикатного кирпича, где люди рождались, болели и умирали. А он менял лампочки.

— Электрик, блин, — сказал он сам себе и затушил окурок в жестяную банку из-под тушёнки.

В процедурной его уже ждали. Три бабки на кушетках, врачиха Ирина Сергеевна с вечно недовольным лицом и та самая лампочка — старая, советская, с жёлтым цоколем. Она моргала в ритме, похожем на азбуку Морзе: короткая-короткая-длинная. Как будто звала кого-то.

— Щас, — сказал Влад, стянул куртку и полез на табуретку.

— Осторожнее только, — проворчала Ирина Сергеевна. — Там розетка искрит.

— Розетки не искрят, — привычно ответил Влад. — Это контакт отошёл.

Он выкрутил лампочку, вкрутил новую. Свет загорелся ровно, без моргания. Бабки одобритительно закивали.

— Золотые руки у парня, — сказала одна, та, что в синем халате. — А женат ты?

— Не успел, бабуль, — усмехнулся Влад.

— А ты успевай. Время-то идёт. Вон, мне семьдесят пять, а я помню, как в войну...

Влад не дослушал. Вышел в коридор, достал новую сигарету, но не закурил — завертел в пальцах. Мысли полезли тяжёлые, как ртуть.

«Что я вообще делаю? — подумал он. — Встаю в шесть, еду на работу, меняю лампочки, чиню щитки, розетки, паяю провода. Вечером — ужин, сто грамм для аппетита, сериал, спать. И так десять лет. И ещё двадцать пять до пенсии. А потом — гроб. И ради чего?»

Он засунул сигарету обратно в пачку. Не хотелось.

В коридоре пахло борщом — это из столовой тянуло. Влад пошёл на запах, потому что делать всё равно было нечего: вызовов больше нет, щитки все проверил, заземление в подвале в порядке. Даже скучно стало.

— Влад! — окликнул его участковый терапевт Коля Смирнов, молодой ещё, в очках с толстыми стёклами. — Ты в шестую палату зайди, там мужик один жалуется, что свет в ночнике не работает. Давно лежит, скучно ему, читать хочет.

— Ладно, зайду.

Влад взял запасную лампочку и побрёл в шестую. Это была палата для хронических — тех, кто доживал. Тяжёлые, лежачие, с мутными глазами и остановившимся временем. Влад не любил туда ходить. Не потому, что боялся смерти — а потому, что видел в этих глазах вопрос: «А ты следующий?»

Мужик лежал на кровати у окна. Худой, с седой щетиной, руки в синих венах. Лет под семьдесят, но глаза — живые, острые.

— Здорово, дед, — сказал Влад, присаживаясь на табуретку возле ночника. — Говоришь, свет не горит?

— Не горит, сынок, — голос у старика был тихий, но какой-то... звенящий, что ли. Как натянутая струна. — Ты посмотри. Может, лампочка перегорела.

Влад выкрутил старую, вкрутил новую. Свет загорелся — тусклый, жёлтый, но живой.

— Вот и всё, — сказал Влад, убирая отвёртку. — Читайте на здоровье.

— погоди, — старик вдруг схватил его за рукав. Пальцы — слабые, но цепкие. — Ты не спеши. Посиди со мной.

— Мне работать надо, — неуверенно сказал Влад.

— Нароботаешься. А я тут один. Внуки в городе, правнуки не помнят. Только ты зашёл. Посиди.

Влад вздохнул и сел обратно на табуретку. Тишина в палате стояла плотная, как вата. Только часы на стене тикали и где-то вдали капал кран.

— Скучно тебе, — сказал Влад, чтобы что-то сказать.

— Скучно, — согласился старик. — И страшно.

— Чего боишься?

— Не смерти. Смерти я не боюсь. Я боюсь, что зря прожил. — Старик повернул голову и посмотрел Владу прямо в глаза. — А ты не боишься, сынок?

Влад хотел ответить что-то бодрое, типа «я ещё молодой», но слова застряли в горле. Потому что этот старик смотрел так, будто видел насквозь — видел пустоту внутри, которую Влад заливал сто граммами по вечерам, закуривал сигаретами, заглушал сериалами.

— Боюсь, — тихо признался Влад. — Иногда.

— Не иногда, а всегда, — старик усмехнулся. — Просто ты привык. Как лампочка моргает — привыкаешь, что темно. А надо не привыкать. Надо искать.

— Что искать?

— Смысл. Искру. Ту, что не гаснет. — Старик кашлянул, откашлялся в платок. — Ты где работаешь, сынок?

— Здесь. Электриком.

— Электрик, значит. Провода, лампочки, ток. А знаешь, что такое ток на самом деле?

— Физика, — пожал плечами Влад. — Напряжение, сопротивление, закон Ома.

— Э-э, нет, — старик покачал головой. — Ток — это жизнь. Всё течёт. И кровь по жилам, и вода в реке, и солнце по небу. А вы, электрики, только провода чините. А проводку внутри себя кто чинить будет?

Влад молчал. Станный дед. Наверное, от одиночества или болезни поехавший. Но в глазах у него было что-то такое... знакомое. Как будто Влад уже видел этот взгляд. Во сне? Или в зеркале?

— Ты вот что, сынок, — старик заговорил тише, почти шёпотом. — У тебя отпуск скоро?

— Через месяц.

— А съезди ты в одно место. Называется Аркаим. В Челябинской области, протогород древний. Там земля гудит. Там воздух звенит. Там ты сможешь пробудиться.

— Пробудиться? — Влад усмехнулся. — Я и так не сплю.

— Спишь, — твёрдо сказал старик. — Крепко спишь. Как все. А там — проснёшься. Увидишь то, что раньше не видел. Почувствуешь то, что забыл. Главное — не бойся. Иди в центр круга, сядь лицом к солнцу. И слушай.

— Дед, ты из какой секты? — спросил Влад, пытаясь перевести в шутку. Но голос дрогнул.

— Ни из какой, — старик откинулся на подушку и закрыл глаза. — Я из жизни. Которую почти не прожил. А ты ещё можешь. Поезжай. Не пожалеешь.

Через минуту он засопел — уснул, или сделал вид. Влад постоял, посмотрел на его морщинистое лицо, на руки, сложенные на груди, и почему-то почувствовал, что внутри шевельнулось что-то тёплое. Маленькое, слабое — как та лампочка, которую он только что вкрутил.

— Ладно, — сказал он тихо. — Подумаю.

Вышел в коридор. Достал сигарету. Закурил — уже не прячась, прямо у окна, выпуская дым в щель.

«Аркаим, — подумал он. — Что за хрень?»

В голове крутились слова старика: «Там ты сможешь пробудиться». И почему-то не хотелось смеяться. Не хотелось списывать на старческий маразм. Потому что когда дед говорил, у Влада по спине бежали мурашки — не от холода, а от чего-то другого. От узнавания.

Вечером он сидел на кухне.

Квартира у Влада была обычная — двухкомнатная в хрущёвке, с жёлтыми обоями, скрипучим полом и холодильником, который гудел как старый трансформатор. На столе — тарелка с гречкой, котлета из столовой, рюмка водки. И собака под столом — Шарик, двортерьер с отвислым ухом и умными глазами.

— Ну что, Шарик, — сказал Влад, наливая водку. — За жизнь?

Шарик вильнул хвостом.

Влад выпил. Котлету разломил пополам — половину себе, половину собаке.

— Сегодня дед один странный был, — заговорил он, жуя. — Говорит, в Аркаим поезжай, пробудись. А я вот думаю — зачем? Что я там не видел? Степь, камни, туристы с фотоаппаратами. Я человек простой. Мне бы розетку починить, лампочку заменить, заземление проверить. А тут — протогород какой-то. Секта, наверное.

Шарик жевал котлету и внимательно слушал. Влад ему часто рассказывал — собаке не стыдно, не осудит.

— Но ведь интересно же, — продолжил он, наливая вторую рюмку. — Почему именно мне? Я же никто. Электрик поселковый. Даже не мастер спорта, не депутат. А этот дед смотрит так, будто я ему внук родной. Или ещё кто. — Он помолчал, покрутил рюмку в пальцах. — Может, правда съездить? Отпуск через месяц. Денег немного есть. Съезжу, посмотрю. Хуже не будет.

Он выпил вторую. Гречка кончилась, котлета тоже. Влад закурил прямо на кухне — форточку открыл, чтоб дым вытягивало. Шарик улёгся у ног и засопел.

За окном темнело. Посёлок затихал — только редкая машина проедет да собаки лают в отдалении. Влад смотрел на тусклую лампочку под потолком и вдруг заметил: она мигает. Совсем чуть-чуть, на грани видимости. Как будто не хочет гореть, но и не хочет гаснуть.

— Тоже мне, — сказал Влад. — Короткое замыкание быта.

Он поднялся, подошёл к окну. В стекле отразился его собственный силуэт — тридцать пять лет, лёгкая небритость, мешки под глазами, взгляд усталый. Обычный мужик. Обычная жизнь. Обычные мысли.

Но внутри — что-то ёкнуло.

Он вспомнил слова старика: «Ты сможешь пробудиться». И вдруг представил, как едет в эту степь, садится на камень, закрывает глаза. А потом — открывает. И видит мир по-другому. Каким — другим?

— Бред, — сказал он громко. — Старый маразматик.

Но руки уже тянулись к телефону. Влад открыл браузер, набрал: «Аркаим как добраться».

Экран засветился голубым. Результатов было много — про древний город, про аномальные зоны, про шаманов и йогов. Влад пролистал несколько статей, потом наткнулся на форум,

где люди писали: «После поездки в Аркаим у меня открылся третий глаз», «Я стал видеть энергию», «Там место силы, поезжайте».

— Психбольные, — прокомментировал Влад и закрыл браузер.

Но телефон отложил не сразу. Подержал в руке, покрутил. Потом открыл карту, проложил маршрут: «Городище — Аркаим». Три пересадки, автобус, потом такси. Дорога — полдня.

— Не поеду, — сказал он твёрдо.

Шарик вздохнул во сне.

Влад выключил свет. Лампочка, прежде чем погаснуть, моргнула ещё раз — длинно-коротко-длинно. Как будто передала сигнал.

— Иди ты, — сказал Влад и пошёл спать.

Но в кровати долго ворочался. В голове крутилось: «Съезди в Аркаим, там сможешь пробудиться». И где-то в груди — не в сердце, а чуть ниже, в солнечном сплетении — теплело. Маленькая искра. Слабая, робкая. Но она была.

И Влад понял: поедет.

Не потому, что верит старику. Не потому, что хочет приключений. А потому, что если не поедет — так и будет всю жизнь менять лампочки, пить по вечерам, разговаривать с собакой и думать: «А ради чего всё?»

А так — хоть надежда.

— Ладно, — прошептал он в темноту. — Через месяц. В Аркаим. Будь что будет.

И провалился в сон — без снов, тяжёлый, как заземление.

Но снилось ему всё-таки что-то. Голос старика из шестой палаты, только громче: «Не бойся, Влад. Ток не убивает. Ток пробуждает. Главное — не разорви цепь».

А под утро приснилось солнце. Огромное, золотое, пульсирующее как сердце. И лучи от него тянулись — к каждому камню, к каждому дереву, к каждому человеку. И один луч — тонкий, дрожащий — тянулся к Владу. Прямо в грудь.

Он проснулся в пять утра. Сердце колотилось. На лбу — пот. А в комнате горел свет — ночник, который он никогда не включал.

— Чудеса, — прошептал Влад и выключил его.

Встал, пошёл на кухню, налил чай. За окном ещё темно, только фонарь мигает — его работа, не до конца починил. Влад посмотрел на него, и вдруг — на секунду — показалось, что он видит, как ток бежит по проводам. Не умом понимает, а реально видит: тонкие голубые нити, пульсирующие в такт чему-то далёкому.

— Спятил, — сказал он и моргнул.

Видение исчезло. Только фонарь моргал по-прежнему.

— Аркаим, — сказал Влад. — Твою мать.

Он допил чай, закурил сигарету, погладил проснувшегося Шарика.

— Ну что, друг, — сказал он собаке. — Кажется, я собираюсь в отпуск. А ты пока у соседки поживёшь. Не скучай.

Шарик лизнул его в ладонь.

А Влад смотрел на восток, где за лесом медленно светлело небо. И чувствовал — всем телом чувствовал — что этот день не такой, как вчера. Что-то началось. Что-то включилось.

Короткое замыкание быта кончилось.

Начиналось пробуждение.

Глава 2. Ржавчина и звёзды

На следующее утро Влад проснулся с чётким ощущением, что вчерашний вечер был не с ним. Или с ним, но будто с кем-то другим — более доверчивым, наивным, готовым поверить в сказки про древние города и пробуждение.

— Дурак ты, Влад, — сказал он своему отражению в зеркале. — Совсем дурак.

Отражение согласно кивнуло. Мешки под глазами стали глубже, щетина жёстче, взгляд — усталым, как всегда.

Он умылся, сварил кофе — растворимый, три ложки на кружку — и сел за стол. Напротив сидел Шарик с выражением «ну что, надумал?».

— Никуда я не еду, — твёрдо сказал Влад. — У меня работа. Отпуск через месяц, да. Но я лучше в Омск съезжу, к брату. Или на речку поеду, удочки куплю. А этот Аркаим... — он поморщился. — Секта какая-то, честное слово. Старый дед голову заморочил.

Шарик моргнул, но ничего не ответил. Собаки — они умные, они знают, когда лучше промолчать.

Влад допил кофе, закурил — первую за день, самую горькую, самую необходимую. И пошёл на работу.

День начался как обычно. Вызов в родильное отделение — перегорел предохранитель. Потом в аптеку — заземление отвалилось. Потом в администрацию — главврач жаловалась, что компьютер моргает.

— Он не моргает, — объяснил Влад, залезая под стол. — Это у вас питание скачет. Трансформатор на подстанции старый.

— А ты почини, — сказала главврач.

— Трансформатор? Я электрик, а не волшебник.

— А кто волшебник? — главврач вздохнула. — Ладно, работай.

Влад починил компьютер — просто переставил шнур в другую розетку. Главврач не заметила. Сказала спасибо и дала направление на обед — бесплатный суп в столовой.

В столовой он встретил Колю Смирнова — молодого терапевта в очках. Коля ел гречку с котлетой и листал телефон.

— Слушай, — сказал Влад, подсаживаясь. — Ты в шестую палату заходил сегодня?

— Заходил. А что?

— Там дед один... Ну, который у окна лежит. Он как?

Коля поднял глаза от телефона и как-то странно посмотрел.

— Какой дед? В шестой палате только бабки. И одна тётка с инсультом. Мужиков там нет уже неделю.

Влад замер с ложкой у рта.

— Как нет? А который читал? Худой такой, с седой щетиной?

— Влад, — Коля отложил телефон. — Я тебе точно говорю: в шестой палате одни женщины. Последний мужик выписался в прошлый четверг. Ты что, обознался?

Влад положил ложку. Во рту пересохло.

— Я вчера к нему заходил. Лампочку менял. Он со мной говорил. Про Аркаим.

Коля пожал плечами:

— Не знаю, что тебе сказать. Может, ты в пятую зашёл? Там да, есть мужик, Палыч, семьдесят два года, сердечник.

— Нет, — покачал головой Влад. — Точно в шестую. У окна. — Он замолчал, потом спросил: — А Палыч как выглядит?

— Нормально. Лысый, в очках, бородавка на носу.

— Не он, — выдохнул Влад. — Совсем не он.

Он встал из-за стола, забыв про суп. Коля окликнул его, но Влад уже вышел в коридор и почти бегом направился в шестую палату.

Дверь была открыта. Внутри — три кровати. На первой — бабка Марфа, спит. На второй — пусто, простыни застираны, тумбочка пустая. На третьей — тётка с инсультом, смотрит в потолок.

Никакого деда. Ни следов, что он там лежал.

Влад подошёл к кровати у окна — той самой, где вчера сидел старик. Потрогал простыню. Холодная. Подушка без вмятины.

— Не может быть, — прошептал он.

Вышел в коридор, нашарил в кармане сигареты. Руки дрожали. Закурил прямо у окна, хотя знал, что нельзя. Выдохнул дым и почувствовал, как внутри поднимается паника — не громкая, а тихая, как затаившийся зверёк.

«Кто это был? — думал он. — Призрак? Галлюцинация? Может, я вчера выпил лишнего? Но я же не пил. Ну, сто грамм, не больше».

Он вспомнил лицо старика. Живое, морщинистое, с умными глазами. Руку, которая схватила за рукав. Пальцы — слабые, но цепкие. И голос: «Съезди в Аркаим, там сможешь пробудиться».

— Бред, — сказал Влад вслух. — Полный бред.

Но внутри что-то щёлкнуло. Как выключатель. Как предохранитель, который выбило, а потом включилось обратно. Щелчок был физический — в груди, в районе солнечного сплетения.

Влад замер. Прислушался к себе.

— Странно, — прошептал он.

Весь день работал как автомат. Заменял три лампочки, починил розетку в ординаторской, проверил заземление в подвале. Но мысли были не о работе. Они крутились вокруг одного: «Кто этот старик? И зачем он мне про Аркаим сказал?»

К вечеру Влад созрел для разговора с начальником.

Начальником был дядя Вася — мужик лет пятидесяти пяти, бывший электрик, который выбился в завхозы. Сидел он в своей каморке на первом этаже, пил чай с баранками и смотрел телевизор.

— Дядя Вась, — сказал Влад, заходя. — Мне отпуск нужен. Через месяц.

— А в чём проблема? Бери. Ты не брал два года. Надо — бери.

— Я возьму. Но я... — Влад замялся. — Я хочу съездить в одно место. В Аркаим. Слышали про такое?

Дядя Вася оторвался от телевизора. Посмотрел на Влада долгим взглядом.

— Слышал, — сказал он. — Туристы ездят. Говорят, место силы. Ты-то чего там забыл?

— Не знаю, — честно признался Влад. — Посоветовали.

— Кто?

— Один... человек. Старик. Из больницы.

— Из нашей? — дядя Вася нахмурился. — Кто такой?

— Не знаю. Я его больше не видел.

Дядя Вася помолчал. Потом вздохнул, отломил баранку и сказал:

— Слушай, Влад. Ты мужик хороший, руки золотые. Но ты не ищи лёгких путей. Аркаим — это не для простых электриков. Там шаманы, йоги, всякие... просветлённые. Ты-то зачем?

— Хочу понять, — Влад поднял глаза. — Зачем я живу.

Дядя Вася поперхнулся чаем.

— Ох, молодёжь, — покачал он головой. — Раньше мы не задавались такими вопросами. Работали, детей растили, водку пили. А сейчас — смысл жизни, просветление. Тьфу.

— А вы не хотите понять?

— А зачем? — дядя Вася пожал плечами. — Смысл жизни — в самой жизни. Починил розетку — уже смысл. Свет загорелся — люди рады. Чего ещё?

— Мало, — тихо сказал Влад.

Дядя Вася посмотрел на него и вдруг стал серьёзным.

— Знаешь что, Влад? Езжай. Раз надо — езжай. Только обещай мне одно.

— Какое?

— Не потеряй себя. Там такие люди бывают... голову заморочат, в секту затянут, а ты простой парень. Добрый. Не дай себя сломать.

— Не дам, — пообещал Влад.

Вышел от дяди Васи с чувством, что сделал первый шаг. Не к Аркаиму даже — а к чему-то большему. К решению.

Вечером он сел за телефон и начал искать билеты.

— Поезд до Челябинска, — бормотал он. — Потом автобус до Магнитогорска, потом такси. Или сразу автобусом? Дорого. А есть прямой?

Шарик лежал рядом, положил голову на лапы, и внимательно смотрел на хозяина.

— Ты чего смотришь? — спросил Влад. — Думаешь, зря?

Шарик вильнул хвостом. Это могло означать и «да», и «нет», и «не знаю».

— Ладно, — вздохнул Влад. — Куплю билет. А там будь что будет.

Он купил. Поезд через месяц, плацкарт, верхняя полка. Дешево и сердито.

Ночью он долго не мог уснуть. Ворочался, смотрел в потолок, слушал, как холодильник гудит и где-то на улице лают собаки. Потом встал, подошёл к окну.

Ночь была звёздной — чистой, прозрачной, как родниковая вода. Влад смотрел на звёзды и вдруг вспомнил: а ведь дед сказал не только про Аркаим. Он сказал ещё что-то. Что-то важное.

«Ты сможешь пробудиться. Увидишь то, что раньше не видел. Почувствуешь то, что забыл».

— Что я забыл? — прошептал Влад. — Я ничего не забывал. Я всё помню. Как отец умер, когда мне было десять. Как мать работала на двух работах. Как я в ПТУ учился на электрика. Как женился — и развёлся через два года, потому что не сошлись характерами. Как сейчас живу один, с собакой.

Он закурил прямо у окна. Вдохнул — выдохнул. Дым поплыл в звёздное небо.

— Какой смысл в этой жизни? — спросил он у звёзд. — Лампочки менять? Розетки чинить? А потом — пенсия, старость, смерть?

Звёзды молчали.

Но когда Влад уже собрался отойти от окна, он вдруг заметил странное свечение. Над горизонтом, где-то за лесом, небо чуть светилось — не так, как от города, а как-то иначе, зеленовато-голубым.

— Полярное сияние? — удивился он. — В нашей полосе? Не может быть.

Он потёр глаза. Свечение не исчезало. Более того — оно начало двигаться, перетекать, собираться в спираль.

— Это глюки, — сказал Влад. — Недосып. Надо спать.

Он лёг в кровать, закрыл глаза. Но сон не шёл. В голове крутились обрывки мыслей: старик, Аркаим, билет, звёзды, спираль.

— Завтра скажу соседу, — решил Влад. — Он мужик простой, без глупостей. Посоветует. И уснул.

Приснился ему сон.

Он стоял посреди пустого поля. Ни деревьев, ни домов — только трава под ногами и огромное чёрное небо над головой. И по этому небу плыли огни — не звёзды, нет. Электри-

ческие искры. Голубые, золотые, белые. Они кружились, переливались, сталкивались друг с другом и разлетались с тихим звоном.

Влад смотрел на них и чувствовал, как внутри отзывается что-то знакомое. Как будто эти искры — часть его. Как будто он сам когда-то был такой искрой.

А потом искры начали складываться в спираль. Медленно, плавно, как будто их кто-то вёл. Спираль закручивалась — сначала маленькая, потом всё больше, больше, пока не заняла полнеба.

— Что это? — спросил Влад.

Никто не ответил. Но он вдруг понял: это — путь. Дорога. Та, по которой надо идти.

— Куда?

И тут из центра спирали вылетела одна искра — яркая, золотая, горячая. Она летела прямо на Влада, росла на глазах, и когда уже почти коснулась его груди — он проснулся.

В комнате было светло. Утро. Солнце лезло в окно, слепило глаза. Шарик сидел на кровати и смотрел на хозяина.

— Ты чего? — спросил Влад хрипло.

Шарик тьякнул.

Влад сел. Сердце колотилось как бешеное. На лбу — пот. А в груди — тепло. То самое, которое он почувствовал вчера после разговора со стариком.

— Сон, — сказал он. — Просто сон.

Но пальцы дрожали, когда он наливал кофе.

В тот же день он встретил соседа.

Сосед был дядька Гриша — бывший водитель, теперь на пенсии, вечно в трениках и с удочкой. Они сидели на скамейке у подъезда — Влад курил, Гриша нюхал табак.

— Гриш, — сказал Влад. — Ты слышал про Аркаим?

— А то! — Гриша оживился. — Там место такое, древний город. Говорят, инопланетяне построили. Или древние славяне. Там башни, стены, всё по кругу. Я в прошлом году хотел съездить, да денег не хватило.

— А зачем тебе?

— Как зачем? — Гриша удивился. — Говорят, там здоровье поправляют. У меня спина болит, радикулит. А там — садишься на камень, и всё проходит.

— Веришь?

— Не знаю, — честно сказал Гриша. — Но попробовать хочется. А ты чего? Собрался?

— Собрался, — кивнул Влад. — Через месяц.

— Один?

— Один.

— Ну, — Гриша похлопал его по плечу. — Молодец. Хоть кто-то в нашей дыре решился. А то сидим тут, лампочки меняем, водку пьём, а жизнь мимо проходит.

Влад посмотрел на соседа. Обычный мужик, пенсионер, с радикулитом и табаком. А говорит правильные вещи.

— Спасибо, Гриш, — сказал Влад.

— За что?

— За поддержку.

— Да ладно, — махнул рукой Гриша. — Ты главное — не пей там. И в секту не вступай. А если увидишь инопланетян — привет передавай.

Они рассмеялись. Но смех у Влада вышел нервным.

Последняя неделя перед отпуском тянулась как резина. Влад работал, менял лампочки, чинил розетки, проверял заземление. Но всё делал как-то иначе — будто внутри горела маленькая лампочка, которая давала свет туда, куда раньше не попадало.

Он заметил, что стал лучше видеть в темноте. И слышать — как гудят провода за стенами. И чувствовать — когда у пациента в палате плохая энергия.

— Это всё нервы, — успокаивал он себя. — Самовнушение.

Но вечером перед отъездом, собирая рюкзак, он вдруг взял в руки старую лампочку — ту самую, которую выкрутил в шестой палате. Он не знал, зачем сохранил её. Просто положил в карман, когда вышел, и забыл.

А теперь держал в руках и смотрел на цоколь.

Лампочка была обычная, старая, накаливания. Но когда Влад поднёс её к уху, он услышал — или ему показалось? — слабый гул. И шёпот.

«Приезжай, — шептал кто-то. — Мы ждём».

Влад положил лампочку в рюкзак.

— Ну всё, — сказал он Шарику. — Завтра еду. Ты у соседки поживёшь. Не скучай.

Шарик лизнул его в руку.

Ночью Влад опять смотрел на звёзды. Но теперь они не казались ему далёкими и холодными. Они мерцали в такт его сердцу. И где-то над горизонтом снова закручивалась спираль — из электрических искр, из света, из надежды.

— Я еду, — прошептал Влад. — Зачем — не знаю. Но еду.

Он лёг спать. И впервые за много лет не боялся завтрашнего дня.

Глава 3. Земля, где ток течёт иначе

Автобус трясло так, будто он извинялся за дешевизну билета.

Влад сидел у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрел, как пейзаж за окном меняется от привычных перелесков до совершенно дикой степи. Дорога стала хуже — ямы, колдобины, гравий, который стучал по днищу как барабанная дробь.

— Скоро, — сказал водитель, не оборачиваясь. — Километров пятнадцать осталось.

В пассажирах было человек десять. Две женщины в спортивных костюмах — явно туристки из города, говорили про чакры и рейки. Парень с дредами, в футболке «Омск — город ангелов», спал с открытым ртом. И старушка с огромным рюкзаком — она сидела впереди и всю дорогу читала молитвы.

Влад чувствовал себя лишним. Обычный мужик в куртке из «Спортмастера», с рюкзаком, набитым тушёнкой, хлебом и запасными носками. Ни чакр, ни рейки, ни дредов. Только отвёртка в боковом кармане — на всякий случай.

— Приехали, — объявил водитель и заглушил двигатель.

Тишина ударила в уши.

Влад вышел из автобуса и замер.

Воздух... воздух был другой. Не как в городе, не как в посёлке. Он звенел. Буквально звенел — как струна, которую только что задели. Влад никогда не слышал ничего подобного. Тишина, но в этой тишине — гул. Высокочастотный, едва уловимый, как будто где-то рядом работала огромная подстанция.

— Мать честная, — прошептал он.

Волосы на руках встали дыбом. Не от холода — от статики. Влад потрогал дверцу автобуса — ударило током. Слабенько, но ощутимо.

— Осторожнее, — сказала одна из женщин в спортивных костюмах. — Здесь земля заряжена. У многих искрит.

— Искрит, — повторил Влад, потирая пальцы.

Перед ним расстилалась степь — жёлто-зелёная, бесконечная, с редкими кустами и чёткими следами древних укреплений. Вдали виднелись земляные валы, образующие круг. Аркаим. Протогород, который построили четыре тысячи лет назад. Или больше. Никто точно не знал.

— Группа, за мной! — экскурсовод, девушка лет двадцати пяти в льняном платье и с указкой в руке, махнула рукой. — Идём по тропе, никуда не сворачиваем. Место священное, можно заблудиться в пространстве.

— В пространстве? — переспросил Влад.

— Да, — серьёзно ответила девушка. — Здесь координаты ведут себя странно. Люди ходят по кругу и не могут выйти.

Влад хотел пошутить, но не стал. Потому что сам почувствовал: стоит отойти от тропы на пару метров — и ориентиры плывут. Холм, который был слева, оказывался справа. Небо становилось бледнее.

Он шёл за группой и смотрел по сторонам. Земля под ногами была плотной, утоптанной тысячелетиями. Трава — жёсткая, пахучая, с каким-то особенным, горьковатым запахом. И всё время — этот звон. В ушах, в висках, в груди.

— Сейчас мы войдём внутрь протогорода, — рассказывала экскурсовод. — Аркаим — это не просто древнее поселение. Это обсерватория. Календарь. Храм. Наши предки знали астрономию, математику, инженерное дело. Они строили по правилу золотого сечения. Здесь всё подчинено космическим ритмам.

— А зачем им это было? — спросил кто-то из группы.

— Чтобы жить в гармонии с миром. Чтобы видеть то, что мы разучились видеть. Чтобы слышать то, что мы забыли.

Влад слушал вполуха. Его внимание приковала земля. Она... пульсировала. Едва заметно, но пульсировала. Как большая жила. Или сердце.

— Вот мы и в центре, — сказала экскурсовод, останавливаясь на ровной площадке. — Это главный круг. Встаньте лицом к солнцу. Закройте глаза. Почувствуйте.

Группа замерла. Женщины в спортивных костюмах прикрыли глаза и блаженно улыбнулись. Парень с дредами сел в позу лотоса. Старушка зашептала молитвы.

А Влад стоял и смотрел.

Сначала ему показалось, что у него двоится в глазах. Потом — что солнце светит слишком ярко. Потом — что он спит.

Потому что над камнями — прямо над земляными валами, над травой, над головами людей — струился голубоватый свет.

Он не был похож на солнечный. Не был похож на электрический. Он был жидким и в то же время газообразным — как дым, но светящийся, переливающийся, пульсирующий в такт пульсу Влада.

— Этого не может быть, — прошептал он.

Потёр глаза. Свет не исчезал.

Закрыв глаза — и сквозь веки видел его. Открыл — и он стал ярче. Голубовато-золотистый, тёплый, он струился отовсюду — из земли, из камней, из воздуха, из самого Влада.

— Эй, — позвал он экскурсовода. — Вы это видите?

— Что именно? — улыбнулась девушка.

— Свет. Голубой. Над камнями.

Экскурсовод посмотрела на него внимательно и сказала:

— Видят не все. Но те, кто видит — остаются здесь навсегда. Или увозят часть Аркаима с собой.

— Я не понимаю, — растерянно сказал Влад. — У меня галлюцинации?

— А ты проверь, — посоветовала девушка. — Потрогай камень.

Влад подошёл к ближайшему валуну — тёмному, шершавому, нагретому солнцем. Положил ладонь.

И отпрянул.

Камень был тёплый. Но не от солнца — от чего-то другого. Изнутри него шла вибрация, как от работающего мотора. И в этой вибрации Влад различил... слова? Нет, не слова. Ощущения. Картинки. Древние, смутные, как воспоминания из прошлой жизни.

— Что это? — спросил он никого конкретно.

— Это память земли, — ответила старушка, которая читала молитвы. — Она здесь всё помнит. Каждый шаг, каждую мысль, каждую каплю крови. И делится с теми, кто готов.

— Я не готов, — испуганно сказал Влад.

— А раз приехал — значит, готов. — Старушка улыбнулась беззубым ртом и отвернулась.

Влад отошёл в сторону. Сел на траву, обхватил колени руками. Голова кружилась. Перед глазами всё плыло — и реальность, и тот странный голубой свет, который не исчезал ни на секунду.

«Я спятил, — подумал он. — Точно спятил. Дед в больнице, лампочка, сон со спиралью — всё это было начало. А теперь я окончательно съехал с катушек».

Он посмотрел на свои руки. Обычные руки — в мозолях, с заусенцами, с застарелым маслом под ногтями. Но сейчас под кожей — ему казалось — пульсировал слабый золотистый свет.

— Мне это не нравится, — сказал он громко.

— Привыкнешь, — ответил парень с дредами, не открывая глаз. — У меня первые три дня тоже ломка была. А потом — кайф.

— Какой кайф? — не понял Влад.

— Видишь энергию? — парень наконец открыл глаза — мутные, с красными белками. — Это прана. Жизненная сила. Раньше ты её не видел, а теперь видишь. Поздравляю, ты проснулся.

— Я не хотел просыпаться, — буркнул Влад.

— Никто не хотел. Но раз приехал — значит, позвали.

Влад замолчал. В голове вертелись обрывки разговоров: старик в больнице, дядя Вася, Гриша-сосед. Все они говорили что-то про пробуждение, про Аркаим, про «тебя позвали». А он думал, что это метафоры. Оказалось — нет.

Он просидел на траве до вечера. Группа ушла на экскурсию дальше, потом вернулась, потом уехала на автобусе в гостиницу. А Влад остался. У него была палатка — маленькая, одноместная, которую он купил пять лет назад и ни разу не использовал.

Поставил её на краю поля, подальше от основных троп. Залез внутрь, расстелил спальник, достал тушёнку и хлеб.

Есть не хотелось. Хотелось понять, что происходит.

Он вылез из палатки. Ночь спустилась быстро — в степи темнеет мгновенно, как будто кто-то выключает свет. Звёзды зажглись — яркие, крупные, низкие, почти можно достать рукой.

И земля... земля гудела.

Влад лёг прямо на траву, прижался спиной к земле. И почувствовал пульс. Не свой — чужой. Огромный, медленный, как сердце спящего великана. Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

— Это земля, — прошептал он. — Земля живая.

Он закрыл глаза. И сквозь веки увидел тот же голубой свет — только теперь он шёл не от камней, а отовсюду. Из земли, из неба, из звёзд, из него самого. Всё было пронизано тонкими нитями — как проводами, только живыми.

— Я схожу с ума, — сказал он в темноту.

Земля не ответила. Но пульс участился. Или это у Влада участилось сердцебиение?

Он не спал всю ночь. Сидел у палатки, смотрел на звёзды и пытался осознать. Раньше он думал, что мир — это материя. Провода, лампочки, розетки, трансформаторы. Физика, закон Ома, сила тока. А теперь перед ним открывалось что-то другое. Что-то, чему нет названия в учебниках.

«Что я здесь делаю? — думал он. — Я же обычный электрик. Я должен быть в посёлке, менять лампочки, пить чай с дядей Васей. А я сижу в степи, вижу свет над камнями и чувствую пульс земли. Это безумие».

Но где-то глубоко внутри — там, где обычно прячутся самые потаённые мысли — тепло. Не от страха, не от паники. От чего-то другого. От узнавания.

«Будто я уже здесь был, — подумал Влад. — Будто я это уже видел».

Он вспомнил детство. Как в пять лет смотрел на солнце и видел лучи — не просто свет, а живые потоки, тянущиеся к земле. Как рассказывал маме, а мама смеялась и говорила: «У тебя богатое воображение, сынок». А потом Влад вырос, пошёл в школу, в ПТУ, на работу. И перестал видеть.

До сегодняшнего дня.

— Так вот что значит «пробудиться», — прошептал он. — Не секта. Не магия. А вспомнить то, что знал с детства.

Где-то вдали завыл ветер. Или не ветер — голос. Старый, древний, на грани слышимости.

«Смотри, — говорил голос. — Видишь. Помнишь. Ты — часть этого. Всегда был».

Влад заплакал. Не от страха, не от боли — от облегчения. Как будто снял рюкзак, который носил тридцать пять лет, и вдруг понял, что можно было идти налегке.

Он просидел до рассвета. А когда солнце коснулось края степи — первого луча, золотого, тёплого — Влад встал и пошёл в центр круга.

Сесть лицом к солнцу.

Потому что он понял: это только начало.

Глава 4. Искра внутри

Влад не понял, когда уснул. Помнил только, как сидел у палатки, смотрел на звёзды и слушал, как земля гудит. А потом — темнота. И сон. Странный, липкий, полный голубых искр и крутящихся спиралей.

Проснулся он от того, что солнце светило прямо в лицо.

— Твою мать, — прохрипел Влад, приподнимаясь. Спина затекла, шея не поворачивалась. Он спал сидя, прислонившись к рюкзаку.

Рядом, в траве, блестела роса. Воздух был свежим, холодным, с запахом полыни и чего-то ещё — сладковатого, незнакомого.

Влад встал, потянулся, хрустнул позвоночником. Посмотрел вокруг.

Степь. Тишина. Только птицы где-то далеко перекликаются. И этот звон — тот самый, который он слышал вчера. Высокочастотный, едва уловимый. Как будто вся земля работала на холостых оборотах.

— Что мне делать? — спросил он вслух.

Никто не ответил.

Влад посмотрел на солнце. Оно только поднялось над горизонтом — огромное, оранжевое, ещё не жаркое. Лучи тянулись к земле длинными золотыми пальцами.

— Ладно, — сказал Влад. — Дед говорил: сядь лицом к солнцу. Сяду. Хуже не будет.

Он нашёл плоский камень на краю круга, сел на него по-турецки — как умел, ноги затекли сразу. Закрыл глаза. И ничего не произошло.

Сидел минуту, две, пять. Думал о работе, о больнице, о лампочках. О том, что Шарик, наверное, скучает. О том, что денег осталось только на обратную дорогу и пачку сигарет.

— Ничего не работает, — пробормотал он. — Дурак я, дурак. Поехал в степь, сижу на камне, как йог ненастоящий.

Он хотел уже встать, но что-то его удержало. Что-то тёплое. Не снаружи — изнутри.

Сначала Влад подумал, что это просто солнечное тепло пробилось сквозь одежду. Но нет. Солнце грело кожу, лицо, руки. А это тепло шло из позвоночника. Изнутри. Как будто кто-то включил маленький нагреватель прямо между лопаток.

— Что за... — прошептал он.

Тепло поднималось вверх, к шее, к голове. Потом опускалось вниз, в крестец, в ноги. И вдруг — щелчок. Как выключатель. Тот же самый, который он почувствовал в больнице после разговора со стариком.

Влад открыл глаза.

И мир изменился.

Солнце... он видел солнце не просто как светящийся шар. Он видел, как от него отрываются лучи — не световые, не тепловые, а какие-то другие, живые, пульсирующие. Они падали на землю, впитывались в траву, в камни, в него самого. И каждый луч нёс в себе информацию. Код. Инструкцию.

— Это прана, — вспомнил Влад слово, которое говорили женщины в спортивных костюмах. — Жизненная сила.

Он закрыл глаза — и сквозь веки увидел те же лучи. Они входили в его макушку, как иглы, расходились по позвоночнику, по рёбрам, по рукам и ногам. И везде, куда они доходили, становилось тепло, легко, прозрачно.

Влад задышал глубже. Не специально — само собой. Вдох — и лучи втягиваются в тело. Выдох — и отработанная энергия выходит обратно, но уже другой — мягкой, золотистой.

Он сидел так час. Или два. Или три. Время потеряло смысл. Было только солнце, дыхание и этот удивительный ток, который тек через него, как вода через трубу.

Когда Влад наконец открыл глаза, солнце стояло высоко. Степь прогрелась, запах полыни стал сильнее. А он сам... он чувствовал себя по-другому. Легче. Яснее. Как будто поставили новый аккумулятор.

— Я зарядился, — удивился он. — Реально зарядился.

Он встал. Тело не болело, не ныло. Спина не хрустела. Голова была ясной, как в детстве, когда просыпаешься после крепкого сна.

Влад прошёлся по кругу, смотрел под ноги. И снова увидел голубоватый свет над камнями — такой же, как вчера. Но теперь он не пугал. Теперь Влад понимал: это просто энергия. Такая же, как ток в проводах, только без проводов.

Он подошёл к дереву.

Это была берёза — старая, кривая, наполовину сухая. Одна ветка совсем засохла, без листьев, серая, мёртвая. Другая кое-как зеленела, но листья были жёлтые, вялые.

— Бедное дерево, — сказал Влад. — Земли мало, воды нет. Солнце жжёт.

Он положил руку на ствол. Кора шершавая, тёплая. И внутри — пульс. Слабый, едва уловимый, но был. Дерево жило, но еле-еле.

И тут Влада осенило.

«А что, если я могу отдать ему часть того, что получил от солнца?»

Мысль была безумной. Он не целитель, не экстрасенс, не маг. Он электрик. Он умеет соединять провода, чинить розетки, менять лампочки. Но сейчас внутри него было столько тепла, столько золотистого света, что он чувствовал: если не поделиться — лопнет.

— Попробуем, — сказал он дереву. — Ты не бойся.

Закрыв глаза. Представил, как солнечная энергия течёт по его позвоночнику, как вода. Потом — в плечо, в руку, в ладонь. И оттуда — в дерево.

Сначала ничего не происходило. Влад стоял, держал руку на коре и чувствовал себя дураком. Потом — слабое тепло под ладонью. Потом — вибрация.

Он открыл глаза.

Сухая ветка дрожала. Не от ветра — ветра не было. Дрожала мелкой, частой дрожью, как будто внутри что-то просыпалось. И на ней, прямо на серой, мёртвой коре, лопнула почка.

Маленькая, зелёная, живая.

Влад не поверил своим глазам. Он потёр их свободной рукой, но видение не исчезало. Почка росла — прямо на глазах. Из неё развернулся листочек, маленький, нежный, ярко-зелёный. Потом второй. Потом третий.

— Охренеть, — сказал Влад и отдёрнул руку.

Дерево замерло. Но на сухой ветке теперь зеленели три листочка — живых, настоящих, не сон, не галлюцинация.

— Охренеть, — повторил он громче.

Он отошёл от берёзы, сел на землю. Ноги подкосились — не от слабости, от шока. Сердце колотилось где-то в горле. Ладони горели.

«Я это сделал, — думал он. — Я реально это сделал. Я починил дерево. Как лампочку. Как розетку. Только живое».

Он посмотрел на свои руки. Обычные руки. В мозолях, с заусенцами, с застарелым маслом под ногтями. Но сейчас под кожей пульсировал слабый золотистый свет — тот самый, который он видел вчера на камнях.

— Это не магия, — сказал он себе. — Это... это электричество. Живое электричество. То, что течёт в растениях, в животных, в людях. Я его вижу. И могу им управлять.

Он засмеялся. Сначала тихо, потом громче, потом в голос. В степи, один, сидел мужик в куртке из «Спортмастера» и смеялся так, что птицы разлетались.

— Я электрик! — крикнул он солнцу. — Я чинил розетки, а теперь могу чинить живое! Вы это понимаете?

Солнце не ответило, но пригрело сильнее. Будто одобрило.

Влад успокоился не сразу. Он сидел на земле, смотрел на дерево с ожившей веткой и пытался осознать. В голове крутились обрывки мыслей — радость, страх, недоверие, восторг.

«Если я могу оживить ветку, — думал он, — то могу ли я вылечить человека?»

И тут же испугался. Человек — это не дерево. У человека есть душа, судьба, карма — или что там. Нельзя просто так взять и починить, как лампочку. Можно навредить.

— Нет, — сказал он твёрдо. — С людьми — осторожно. Сначала научусь на растениях. Потом — на себе. А потом — если буду уверен — на тех, кому смогу помочь.

Он достал сигарету, закурил. Дым на вкус показался горьким и каким-то... ненужным. Влад потушил окуроч, положил в карман — не мусорить же в священном месте.

— Надо учиться, — сказал он. — Каждый день. С утра — садиться под солнце, набираться силы. Днём — пробовать. Вечером — анализировать.

Он вернулся к палатке, достал блокнот и ручку. Написал:

«День первый в Аркаиме. 1. Я вижу энергию. Голубую, золотую, живую. 2. Могу впитывать солнечный свет и превращать его в тепло внутри. 3. Оживил сухую ветку на берёзе. 4. Страшно. Но интересно. 5. Правило: не лечить людей, пока не пойму, как работает.»

Потом подумал и дописал:

«6. Сигареты больше не хочу. Странно.»

День тянулся медленно. Влад ходил по Аркаиму, трогал камни, слушал землю, смотрел на небо. Пытался понять, как устроена эта новая для него реальность.

Он заметил, что растения выглядят по-разному. У одних — густое золотистое свечение, здоровое, плотное. У других — тусклое, с серыми пятнами. У третьих — почти чёрное, умирающее.

— Так вот что такое аура, — понял он. — Не выдумки эзотериков. Реальная штука.

Он попробовал ещё раз оживить засохшую ветку — на другом дереве, на кусте. Получилось. Труднее, чем с берёзой, но получилось. Листочки распустились маленькие, бледные, но живые.

— Растёт навык, — усмехнулся Влад. — Как с вызовом на работу. Сначала долго копаешься, потом — раз-два и готово.

К вечеру он устал. Не физически — ментально. Голова гудела от новой информации, глаза слезились от непривычного зрения. Влад сел у палатки, поужинал тушёнкой и хлебом, запил водой из фляги.

— Шарик, — сказал он, вспомнив собаку. — Вот бы ты здесь был. Легче бы было.

Он посмотрел на звёзды. Теперь они выглядели иначе — не просто точки света, а живые огоньки, соединённые с землёй тонкими нитями.

— Всё связано, — прошептал Влад. — Всё — одно. Солнце, земля, деревья, я. Одна большая электрическая цепь. Только ток — это жизнь.

Он лёг в палатку, закрыл глаза. И снова почувствовал пульс земли. Тук-тук. Тук-тук. В такт его сердцу.

— Я не один, — понял он. — Я — часть. Часть большого живого организма.

И впервые за много лет Влад уснул с улыбкой.

Утром он снова сел на камень лицом к солнцу. Теперь уже осознанно, без паники, без страха. Просто закрыл глаза и дышал. Впускал лучи. Напитывался.

Солнце давало силу. Не магическую, не сверхъестественную — настоящую, живую. Ток, который питал каждую клетку.

— Теперь я понимаю, — сказал Влад, открыв глаза. — Солнце — это источник. А я — проводник. Как электрик, блин. Только вместо проводов — тело. Вместо лампочек — живые существа.

Он встал, потянулся. Внутри горела батарейка — ровная, устойчивая, тёплая.

— Надо учиться дальше, — решил он. — И главное — молчать. Никому не рассказывать. Пока сам не пойму, что это и зачем.

Он посмотрел на восток, где солнце только поднималось. И поклонился. Не по-церковному, не по-йоговски — а по-своему, по-простому. Как электрик, который благодарит трансформатор за стабильное напряжение.

— Спасибо, — сказал он. — За искру.

И пошёл в степь — учиться дальше.

Глава 5. Обратный ток

Обратная дорога оказалась тяжелее, чем туда.

Автобус трясся так же, степь за окном была такой же, но Влад смотрел на всё иными глазами. Буквально. Он видел, как над полями поднимается лёгкое золотистое марево — аура земли. Как деревья у дороги пульсируют слабым зелёным светом. Как облака тянут к солнцу тонкие нити, похожие на провода.

— Ты чего такой задумчивый? — спросил сосед, мужик с рыжими усами, который всю дорогу ел бутерброды с колбасой.

— Да так, — ответил Влад. — Мысли.

— Отдохнул?

— Отдохнул.

На самом деле он не отдыхал. Он учился. Четыре дня в Аркаиме он сидел на камне, дышал солнцем, пробовал оживлять растения, смотрел на энергетические нити. К концу четвёртого дня он мог отличить здоровое дерево от больного с одного взгляда. Мог почувствовать, где в земле проходят «жилы» — подземные потоки силы. И мог — с трудом, с огромной концентрацией — направить солнечную энергию в увядший цветок так, что он распускаялся за минуту.

Но люди...

С людьми он не пробовал. Боялся.

— Сначала разберусь, — повторял он себе. — Пойму, как работает. А потом — осторожно.

Поезд, пересадка, ещё один автобус. И вот он — Городище.

Посёлок показался Владу серым. Раньше он не замечал — привык. А сейчас, после аркаимской степи с её золотыми лучами и голубым свечением, посёлок выглядел как выцветшая фотография. Дома — тусклые, без ауры. Люди — серые, сжатые, как будто внутри них погасли лампочки.

— Ничего себе, — прошептал Влад, идя от остановки к своему дому. — Мы все тут выключенные.

Он зашёл в подъезд. Пахло кошками и старой краской. Лампочка на лестничной клетке моргала — Влад видел, как ток в проводах прыгает, как блоха, из-за плохого контакта. Раньше он бы просто заменил лампочку. Теперь он видел проблему глубже: проводка была старая, алюминиевая, с микротрещинами.

— Надо будет поменять, — сказал он себе.

Квартира встретила запахом пыли и одиночества. Шарик — соседка привела его час назад — сидел на пороге, вилял хвостом и смотрел преданными глазами.

— Здорово, друг, — Влад погладил собаку. — Скучал?

Шарик лизнул его в ладонь и вдруг отпрянул. Посмотрел на Влада странно — как на незнакомого.

— Ты чего? — удивился Влад.

Шарик подошёл снова, обнюхал руки, лицо, шею. Потом чихнул и вильнул хвостом — мол, всё в порядке, свой, но какой-то другой.

— Ауру чувствуешь? — догадался Влад. — Она изменилась, да?

Шарик не ответил, но Влад и так знал. Его собственная аура теперь была другой — не серой, как у всех в посёлке, а золотисто-голубой, пульсирующей. Он видел её краем глаза, когда смотрел в зеркало.

Всю ночь он не спал. Сидел на кухне, пил чай, гладил Шарика и думал.

«Что я теперь? — спрашивал он себя. — Электрик, который видит энергию? Целитель, который боится лечить? Чокнутый, который поехал в степь и вернулся с галлюцинациями?»

В голове крутились слова старика: «Ты сможешь пробудиться. Увидишь то, что раньше не видел». Ну вот, увидел. И что дальше?

Он вспомнил дерево в Аркаиме — сухую ветку, которая ожила под его рукой. Тепло, которое потекло из ладони. Листочки, которые распустились за минуту.

— Если я могу оживить дерево, — прошептал он, — может, могу и человека? Вылечить от болезни? Убрать боль?

И тут же испугался. Человек — это не дерево. У дерева нет судьбы, нет кармы, нет свободы воли. А у человека есть. Что, если Влад своей «починкой» нарушит что-то важное? Что, если сделает только хуже?

Он уснул под утро. И приснился ему старик — тот самый, из больницы, который исчез. Стоял на холме, смотрел на Влада и улыбался.

— Не бойся, — сказал старик. — Ты не сломаешь. Ты починишь. Но только тех, кто добр. Чёрных не трогай — их тьма перетечёт в тебя.

— Как понять, кто добрый, а кто чёрный? — спросил во сне Влад.

— А ты увидишь. По искре. У доброго внутри горит золотая нить — тонкая, но живая. У чёрного — только тьма. Им не поможешь. Им только навредишь, если попробуешь.

— А если я ошибусь?

— Не ошибайся, — старик погрозил пальцем. — Ты электрик. Ты умеешь проверять цепь перед тем, как включить. Вот и проверяй.

Проснулся Влад от того, что Шарик лизал его в ухо.

— Всё, всё, — сказал он, отодвигаясь. — Встаю.

Первое утро дома прошло странно. Влад сел на коврик — не специально, просто ноги сами понесли — и попробовал помедитировать. Но не получалось. В квартире не было того звона, той пульсации, что в Аркаиме. Стены глушили энергию. Соседи сверху сверлили. За окном ездили машины.

— Здесь тяжело, — понял Влад. — Здесь люди забыли, что такое жить в гармонии.

Он оделся, взял ящик с инструментами и пошёл на работу. Дядя Вася обрадовался:

— Вернулся! Ну как? Просветлел?

— Типа того, — уклончиво ответил Влад.

— Смотри, — дядя Вася подмигнул. — Главное, чтобы лампочки не забыл менять.

— Не забыл.

Первый вызов был в коридор — моргала лампа дневного света. Влад принёс стремянку, выкрутил старую, вкрутил новую. И вдруг замер.

Он увидел «проводачки» тока в стене.

Не в переносном смысле — буквально. Сквозь штукатурку, сквозь краску, сквозь кирпич он видел тонкие голубые линии, по которым бежал ток. Как голограмма. Как 3D-модель. Провода были старые, алюминиевые, кое-где с микротрещинами. И ток в них шёл не ровно — пульсировал, спотыкался, искрил в местах плохого контакта.

— Ничего себе, — прошептал Влад.

Он спустился со стремянки, отошёл в сторону. Стена для него теперь была прозрачной. Он видел всю электропроводку больницы — как карту, как чертёж.

— Ты чего застыл? — окликнула его Марья Ивановна. — Лампочку поменял?

— Поменял, — рассеянно ответил Влад. — Только проводку надо менять. Всю. Она старая.

— Нет денег, — отрезала медсестра. — И так живём.

Влад не стал спорить. Он пошёл дальше — в ординаторскую, в аптеку, в регистратуру. Везде видел одно и то же: старые провода, микротрещины, ток, который течёт с трудом. Как кровь по забитым сосудам.

«Больница — как больной организм, — понял он. — И проводка, и люди».

После обеда его вызвали в терапевтическое отделение. Коля Смирнов, молодой врач, попросил посмотреть розетку у кровати пациента — она искрила, когда включали ночник.

— Здорово, Влад, — сказал Коля. — Как отпуск?

— Нормально. Где розетка?

— В третьей палате. У деда Петровича.

Влад зашёл в палату. Дед Петрович лежал на кровати, смотрел в потолок. Обычный старик — седой, худой, с капельницей в руке. Влад кивнул ему, подошёл к розетке.

И вдруг посмотрел на пациента.

Он не хотел. Просто взгляд упал — и застыл.

Потому что Влад увидел внутри деда Петровича чёрные сгустки. В груди, в районе лёгких. Они пульсировали — медленно, страшно, как живые. И вокруг них аура была серой, с рваными краями, как будто кто-то вырвал кусок ткани.

— Рак, — прошептал Влад. — У него рак.

— Что? — не расслышал дед Петрович.

— Ничего, — Влад отвернулся. — Розетку сейчас почию.

Он починил розетку за десять секунд. Но руки дрожали. Вышел в коридор, прислонился к стене. Дышал часто, как загнанный зверь.

— Влад, ты чего? — Коля Смирнов выглянул из ординаторской. — Бледный как мел.

— Ничего. Духота.

Он почти выбежал из больницы. На улице закурил — хотя в Аркаиме ему расхотелось. Но сейчас нужен был дым, нужен был ритуал, чтобы успокоиться.

«Что мне с этим делать? — думал он, затягиваясь. — Я вижу болезнь. Вижу рак. Но я не врач. Я электрик. Я не имею права лезть».

Он вспомнил слова старика: «Лечи только добрых. Чёрных не трогай». А дед Петрович? Он добрый? Влад видел его ауру — серую, повреждённую. Но была ли в ней золотая нить?

— Не разобрал, — признался он себе. — Я испугался и не разобрал.

Весь день Влад работал как автомат. Чинил, менял, проверял. Но мысли крутились вокруг одного: он теперь видит болезни. И может — возможно, может — их лечить. Но как? Как направить солнечную энергию в человеческое тело, не навредив? Как не перегрузить цепь?

Ночью он не спал. Сидел на кухне, пил водку — первую после Аркаима. Шарик лежал у ног и вздыхал.

— Понимаешь, Шарик, — говорил Влад. — Я теперь как тот электрик, который видит всю проводку в доме. Но если я начну всё чинить сразу — вырубится рубильник. Или пожар будет.

Шарик моргнул.

— А если я никого не буду лечить — они умрут. А я буду знать, что мог помочь, но не помог. Потому что боялся. Трусливый я, Шарик. Трусливый.

Он налил вторую рюмку, но пить не стал. Посмотрел на водку — мутную, холодную — и поставил обратно.

— Не хочу, — сказал он. — В Аркаиме не хотелось. И здесь не хочется.

Он отодвинул рюмку, достал блокнот. Написал:

«Что делать с даром? 1. Учиться видеть не только болезнь, но и суть человека — добрый он или нет. 2. Научиться направлять энергию в маленькие дозы — как лекарство, а не как удар током. 3. Начать с растений и животных. Потом — с себя. Потом — с доверенных людей. 4. Никому не рассказывать. Скажут — шарлатан, сектант, псих. 5. Лечить только

добрых. И только по доброте душевной, не за деньги. б. Сначала разобраться в себе. Понять, как работает дар. А потом — помогать другим.»

Он перечитал и усмехнулся:

— План, как на работе. Только вместо лампочек — человеческие жизни.

Влад закрыл блокнот, погладил Шарика и лёг спать. Но перед сном сел на кровати, закрыл глаза и попробовал впустить солнечный свет. Даже сквозь стены, сквозь тучи, сквозь серость посёлка — он почувствовал слабый, далёкий луч. Он вошёл в макушку, спустился по позвоночнику, разлился по телу.

— Я не один, — прошептал Влад. — Солнце со мной. Искра внутри. А остальное — приложится.

И уснул спокойным сном человека, который принял решение.

На следующее утро он пришёл в больницу с новым настроением. Не геройским — спокойным, деловым. Как перед большой работой.

— Дядя Вася, — сказал он завхозу. — У нас в подвале щиток старый. Можно я его в свободное время переберу? Бесплатно.

— Ты чего, Влад? — удивился дядя Вася. — За бесплатно?

— Хочу научиться кое-чему. Щиток — хорошая тренировка.

На самом деле Влад хотел тренироваться на проводке. Учиться видеть ток, чувствовать его, исправлять неполадки — без риска для людей. А потом, когда набьёт руку — переходить к живому.

Он спустился в подвал. Старый щиток гудел, искрил, пахло горелой изоляцией. Влад открыл его, посмотрел на клубки проводов — и увидел то же, что и в стенах: голубые линии тока, пульсирующие, живые.

— Привет, — сказал он проводам. — Будем знакомы.

И начал работу. Медленно, аккуратно, проверяя каждое соединение. Не просто отвёрткой и пассатижами — а внутренним зрением. Он видел, где ток идёт ровно, где спотыкается, где искрит. И исправлял — чистил контакты, подтягивал клеммы, менял прогоревшие участки.

К вечеру щиток работал как новый. Гул стал тише, искры исчезли, запах горелого выветрился.

— Ну вот, — сказал Влад, вытирая руки. — Одну цепь починил. Теперь — следующую. Он вышел из подвала и столкнулся с Колей Смирновым.

— Влад, ты чего в подвале весь день? — спросил врач.

— Щиток чинил, — ответил Влад. — Теперь всё будет работать ровно.

— Молодец, — похвалил Коля. — Кстати, дед Петрович из третьей палаты сегодня умер. Ночью. Рак лёгких, последняя стадия.

Влад замер. По спине пробежал холод.

— Мы ему ничем не могли помочь, — вздохнул Коля. — Такая болезнь.

— Да, — тихо сказал Влад. — Такая.

Он пошёл к выходу. На улице закурил — уже без удовольствия, просто по привычке. Смотрел на серое небо и думал.

«Дед Петрович умер. А я мог попробовать его спасти. Или не мог? Я же не знаю. Я даже не разобрал, добрый он был или чёрный. Испугался, убежал. А теперь поздно».

Он затушил окурок и выбросил в урну.

— Больше не убегу, — сказал он. — Буду учиться. Буду пробовать. Тихо, осторожно, по одному. Но буду.

Внутри зажглась маленькая золотая искра — не от солнца, от решения. Влад почувствовал её в груди и улыбнулся.

— Починка началась, — сказал он. — Сначала себя. Потом — мир.

И пошёл домой — медитировать, напиваться, готовиться к следующему шагу.

От автора: В дремучих лесах Древней Руси десятилетний сирота Светозар встречает старца Велимудра — хранителя древней Буковицы, где каждая из 49 букв — не просто звук, а живой сакральный символ, ключ к миру и к собственной душе. <https://author.today/work/564534>

Глава 6. Розетка с душой

Прошло две недели после возвращения из Аркаима.

Влад работал, чинил розетки, менял лампочки, перебрал щиток в подвале. Но делал всё иначе — не механически, а осознанно. Каждый провод, каждая клемма, каждый контакт теперь были для него живыми. Он видел, как течёт ток, где напряжение слишком высокое, где контакт окислился, где провод вот-вот перегорит.

Дядя Вася заметил перемены:

— Ты, Влад, прям профи стал. Раньше тоже хорошо работал, а теперь — как ювелир.

— Опыт, — скромно ответил Влад.

Он не рассказывал никому о своей способности. Даже дяде Васе. Даже Грише-соседу. Только Шарику — тот слушал, вздыхал и вилял хвостом.

Но внутри Влада зрело понимание: рано или поздно придётся использовать дар на людях. Не на всех — только на добрых. И не за деньги — по доброте душевной. Вопрос был в том, с кого начать.

Ответ пришёл сам собой.

— Влад! — Марья Ивановна выглянула из ординаторской. — В женское отделение срочно! Розетка искрит, короткое замыкание. Там медсёстры боятся, что пожар будет.

— Иду, — вздохнул Влад.

Он взял сумку с инструментами — отвёртки, пассатижи, изоленту, запасные розетки — и побрёл в женское отделение. Оно находилось на втором этаже, в конце длинного коридора, где всегда пахло лекарствами и почему-то капустой.

— Тут, тут! — закричала толстая медсестра в белом халате, едва Влад вошёл. — Розетка у окна, искрит, мы боимся включать!

— Не включайте, — сказал Влад. — Сейчас посмотрю.

Он подошёл к розетке. Та действительно искрила — жёлтые маленькие вспышки, похожие на бенгальские огни. Контакт отошёл, плюс старая проводка. Дело на пять минут.

Влад уже открыл сумку, достал отвёртку, как вдруг услышал голос — спокойный, чуть насмешливый, с хрипотцой:

— Не пугайся, она не кусается. Просто характер плохой.

Влад поднял голову.

У окна стояла девушка. Медсестра — белый халат поверх вязаного свитера, рыжие волосы собраны в небрежный пучок, на лице — веснушки, а в глазах — смешинки. И аура.

О боже, какая аура!

Влад забыл, как дышать. Потому что аура у этой девушки была золотистой — ровной, плотной, как хороший мёд. И внутри неё плясали маленькие искорки, похожие на светлячков. Такое свечение Влад видел только у деревьев в Аркаиме — у самых здоровых, самых сильных.

— Что застыл? — девушка усмехнулась. — Розетку чинить пришёл или меня рассматривать?

Влад открыл рот, закрыл. Выдавил из себя:

— Розетку. Розетку чинить.

— Ну чини, — она подошла ближе. — А я посмотрю. Люблю, когда мужики с отвёрткой работают. Это красиво.

Влад почувствовал, как краснеет. Он быстро отвернулся к розетке, начал откручивать крышку. Но руки дрожали — не от напряжения, от присутствия этой девушки. От её ауры, которая тёплой волной накатывала на него.

— Меня Лена зовут, — сказала она, присаживаясь на подоконник. — А тебя?

— Влад.

— Электрик Влад, — она кивнула. — Слышала про тебя. Говорят, ты лучший в больнице.
— Не лучший, — буркнул Влад. — Просто стаж большой.

Он вскрыл розетку. Внутри — классика жанра: контакт отошёл, провода окислились, изоляция оплавилась. Влад взял пассатижи, начал аккуратно зачищать.

— А ты откуда в нашей дыре? — спросил он, чтобы что-то сказать.

— Из города, — Лена пожала плечами. — Приехала два года назад по распределению. Думала, год отработаю и уеду. А затянуло.

— Чем?

— Не знаю, — она задумалась. — Людьми, наверное. Они здесь другие. Не такие, как в городе. Проще, что ли. И тяжелее.

— Тяжелее?

— Да. — Лена посмотрела в окно. — В городе люди быстрые, злые, но живые. А здесь — тихие, добрые, но как будто... выключенные. Понимаешь?

Влад замер с пассатижами в руке. «Выключенные». Точно такое же слово он думал сам, когда вернулся из Аркаима.

— Понимаю, — сказал он тихо.

— Правда? — Лена удивилась. — Обычно мужики не понимают. Говорят: «Работай, пей, спи, какая разница?»

— А я не обычный мужик, — усмехнулся Влад.

— Это я уже заметила. — Лена посмотрела на его руки. — У тебя странная энергия. Ты в курсе?

Влад чуть не выронил отвёртку.

— Что? — переспросил он.

— Ну, — Лена смутилась. — Я это... чувствую немного. С детства. Не знаю, как объяснить. Просто от некоторых людей идёт тепло, от некоторых — холод. А от тебя идёт... свет. Как от солнца.

Влад молчал. Внутри всё клокотало — страх, удивление, надежда. Он впервые встретил человека, который тоже что-то чувствовал. Не так, как он — не видел ауры, не видел ток в проводах. Но чувствовал.

— А ты, — осторожно спросил он, — ты веришь, что люди могут быть включёнными?

Лена посмотрела на него долгим взглядом.

— Верю, — сказала она. — Я даже знаю одного такого.

— Кого?

— Не важно. — Она улыбнулась. — Важно, что он есть. И что я его, кажется, нашла.

Между ними пробежала искра. Буквально. Влад как раз подключал провода, и в тот момент, когда их взгляды встретились, из розетки вылетела яркая голубая вспышка. Лампа под потолком зажглась на секунду — ярче обычного, накалилась добела — и погасла.

— Ой! — Лена отпрянула. — Это что?

— Короткое замыкание, — быстро сказал Влад, хотя знал, что это не так. Короткого не было. Это была искра другого рода — та, что пробежала между ними.

Он быстро доделал работу — зачистил контакты, затянул клеммы, заизолировал. Розетка больше не искрила. Включил лампу — горела ровно.

— Готово, — сказал Влад, вытирая руки.

— Спасибо, — Лена спрыгнула с подоконника. — Ты правда лучший.

— Да ладно, — смутился Влад.

Он уже собрал инструменты, взялся за дверь, но Лена окликнула:

— Влад, погоди.

— А?

— Ты после работы куда? Домой?

— Домой.

— А можешь не домой? — она вдруг покраснела — на веснушчатых щеках выступил румянец. — Там, у пруда, скамейка есть. Приходи сегодня в семь. Поговорим.

— О чём?

— О включённых и выключенных. — Лена улыбнулась. — Ты же сам сказал — бывают. Вот и расскажи, каких ты видел.

Влад хотел отказаться. Привычка — не лезть в чужие жизни, не открываться, не рисковать. Но внутри что-то щёлкнуло. Тот самый выключатель, который щёлкал в Аркаиме.

— Приду, — сказал он.

И вышел в коридор с чувством, что жизнь опять поворачивает куда-то не туда, куда он привык. Но почему-то это не пугало. Наоборот — грело.

Весь день Влад работал как на автопилоте. Починил три розетки, две лампы, заменил предохранитель в ординаторской. Но мысли были не о работе. Они крутились вокруг Лены — её рыжих волос, веснушек, золотистой ауры с искрами.

«Кто она? — думал Влад. — Почему она чувствует энергию? Почему сказала, что от меня идёт свет? И почему у неё такая чистая аура — как у деревьев в Аркаиме?»

Он вспомнил слова старика из сна: «У доброго внутри горит золотая нить». У Лены горела не нить — целое сияние.

— Таких надо беречь, — прошептал Влад.

В семь часов он был у пруда.

Пруд был мелкий, заросший ряской, с деревянным мостком и старой скамейкой, на которой местные пьяницы оставляли пустые бутылки. Но сегодня бутылок не было — только Лена, сидящая на скамейке и смотрящая на воду.

— Пришёл, — сказала она, не оборачиваясь.

— Обещал же.

Влад сел рядом. Между ними оставалось полметра — но Влад чувствовал её ауру даже на расстоянии. Тёплую, золотистую, пульсирующую в такт его собственному сердцу.

— Рассказывай, — Лена повернулась к нему. — Что ты видел? Каких включённых?

Влад помолчал. Потом достал сигарету, но не закурил — покрутил в пальцах и убрал обратно.

— Я был в Аркаиме, — сказал он.

— В Аркаиме? — Лена удивилась. — Это где протогород?

— Да. Ездил в отпуск. Думал, просто посмотреть. А оказалось... — он замолчал, подбирая слова. — Оказалось, там земля другая. Там воздух звенит. И я там увидел то, чего раньше не видел.

— Что?

— Свет. Голубой, золотой — над камнями, над травой, над всем. И понял, что это энергия. Жизненная сила. Прана, если хочешь.

Лена слушала, не перебивая. Глаза у неё стали серьёзными, даже испуганными.

— И теперь ты видишь этот свет везде? — спросила она.

— Везде, — кивнул Влад. — Я вижу ауру людей. Вижу, где ток в проводах идёт ровно, а где — нет. Могу оживить засохшее дерево. Могу... — он запнулся. — Могу, наверное, лечить. Но боюсь.

— Чего?

— Что наврежу. Что не разберу, кто добрый, а кто чёрный. Что перегрузка будет. Как в розетке — короткое замыкание.

Лена долго молчала. Потом взяла его за руку.

Влад вздрогнул. Её пальцы были тёплыми, мягкими. И сквозь них он почувствовал, как её аура соединяется с его — не резко, а плавно, как две реки.

— Ты не бойся, — сказала Лена. — Я помогу.

— Чем?

— Я тоже кое-что умею. Не как ты — не вижу ауру. Но чувствую людей. Знаю, кто добрый, а кто злой. С детства. Мама говорила — дар. А я думала — проклятие. Но если ты видишь энергию, а я чувствую суть — мы вместе можем многое.

Влад посмотрел на неё. В золотистой ауре Лены искры плясали быстрее — от волнения, от надежды.

— Ты серьёзно? — спросил он.

— Серьёзней некуда, — она сжала его руку. — Я давно ждала такого, как ты. Думала, что одна такая чокнутая. А ты — такой же. Только сильнее.

— Я не сильнее, — покачал головой Влад. — Я просто электрик.

— Электрик, который видит душу, — улыбнулась Лена. — Это ли не чудо?

Стемнело. Над прудом зажглись звёзды — Влад видел, как они соединены с землёй тонкими нитями. Рядом сидела девушка с золотистой аурой и держала его за руку.

— Знаешь, — сказал он тихо. — Я боялся, что схожу с ума. Думал, что одному мне такое не вытянуть. А теперь вижу — не один.

— Не один, — подтвердила Лена. — Мы теперь вместе. Как две фазы. Когда соединяются — свет горит ярче.

Влад усмехнулся:

— Ты и про электричество знаешь?

— А то, — она подмигнула. — Я медсестра. Мы тоже про ток кое-что понимаем. Только у нас ток по нервам бежит.

— А у меня по проводам.

— И по нервам тоже, — тихо сказала Лена. — Я чувствую.

Они сидели на скамейке до глубокой ночи. Говорили о жизни, о смерти, о смысле. О том, почему люди становятся выключенными и можно ли их включить обратно. О страхе и надежде. О солнце, которое даёт силу, и о земле, которая её принимает.

Влад рассказал про старика из больницы, который исчез. Про сны со спиралями. Про дерево, которое ожило под его рукой. Лена слушала, задавала вопросы, удивлялась, но не сомневалась.

— Я верю тебе, — сказала она, когда Влад замолчал. — Потому что сама видела похожее. Один раз. В детстве. У бабушки в деревне.

— Что видела?

— Как старуха местная вылечила парня от порчи. Положила руки на грудь, прошептала что-то — и он задышал ровно. А до этого задышался, врачи не могли помочь.

— А ты веришь в порчу?

— Я верю в то, что не объяснить наукой, — твёрдо сказала Лена. — Как твой дар. Как мой. Это не магия. Это... природа. Которую мы забыли.

Влад кивнул. Он понял — нашёл не просто союзника, а родственную душу.

— Давай договоримся, — сказал он. — Ты будешь чувствовать людей — добрые они или чёрные. А я буду пробовать лечить добрых. Потихоньку, осторожно. Без фанатизма.

— Договорились, — Лена протянула руку. — Только одно условие.

— Какое?

— Не лечи никого, пока я не проверю. Иначе ты правда можешь навредить.

— Хорошо, — Влад пожал её руку.

И снова — искра. На этот раз не в розетке, а между их ладонями. Голубая, живая, пульсирующая.

— Это... — начала Лена.

— Я знаю, — перебил Влад. — Это не короткое замыкание.

Они засмеялись. И долго ещё сидели на скамейке, глядя на звёзды и слушая, как вода в пруду тихо плещется о берег.

А где-то в глубине посёлка горел одинокий фонарь. И ток в нём шёл ровно, без помех — потому что Влад починил его сегодня утром.

Или потому, что сегодня вечером у него зажглась новая искра.

Глава 7. Проводка судьбы

Первым пациентом Влада стал соседский мальчик.

Влад знал его с рождения — Ванька, восемь лет, белобрысый, веснушчатый, с вечно разбитыми коленками и смехом, похожим на колокольчик. И с астмой, которая мучила его с трёх лет. Приступы случались по ночам — мальчик задыхался, синел, родители вызывали скорую, врачи делали уколы, отпускало. Но ненадолго.

— Владь, — сказала как-то его мать, тётя Катя, во дворе. — Ты же электрик. Может, у тебя есть какой-нибудь прибор, чтоб воздух очищать? Ванька опять ночью не спал, задыхался.

— Нет прибора, — покачал головой Влад. — Но я... я попробую кое-что другое.

— Что?

— Неважно. Если получится — расскажу.

Тётя Катя посмотрела на него с недоумением, но спорить не стала. Влад для неё был мужиком надёжным — не пьяница, не дебошир, руки золотые.

В тот же вечер Влад пришёл к ним в квартиру. Ванька сидел на кровати, бледный, с кругами под глазами, и смотрел мультики по планшету.

— Здорово, Вань, — сказал Влад, присаживаясь рядом. — Дышится как?

— Плохо, — прошептал мальчик. — Как будто кто-то на грудь сел.

Влад посмотрел на него своим внутренним зрением. Увидел ауру — тусклую, сероватую, с чёрными сгустками в районе бронхов. Там, где должны были быть золотистые нити, зияли пустоты.

— Можно я попробую тебе помочь? — спросил Влад. — Только ты не бойся. И маме не рассказывай. Хорошо?

— А как ты поможешь? — Ванька насторожился.

— Руки положу. Подышу с тобой вместе. Сделаем, чтобы дышать стало легче.

Мальчик подумал и кивнул.

Влад положил ладони на грудь Ваньки. Закрыв глаза. Вспомнил Аркаим — солнце, пульс земли, золотые лучи. Позвал эту силу внутрь себя — и она откликнулась. Тепло поднялось по позвоночнику, растеклось по плечам, по рукам, дошло до ладоней.

«Только осторожно, — сказал он себе. — Маленькими дозами. Как лекарство».

Он представил, как солнечная энергия перетекает из его рук в тело мальчика. Медленно, плавно, без напора. Как вода, которая заполняет пустоты.

Ванька сначала напрягся, потом выдохнул. Глаза закрыл. Дыхание — хриплое, прерывистое — стало ровнее.

— Тепло, — прошептал он. — Хорошее тепло.

Влад не отвечал. Он видел, как чёрные сгустки в бронхах начинают таять. Как серые участки ауры наполняются золотистым светом. Не полностью — ещё оставались тёмные пятна. Но процесс пошёл.

Через десять минут Влад убрал руки. Сам был мокрым от пота — как после тяжёлой работы. Внутри пульсировала слабость, но не неприятная — как после хорошей тренировки.

— Ну как? — спросил он.

Ванька открыл глаза. Сделал глубокий вдох — полной грудью, без хрипа, без кашля.

— Ой, — сказал он. — Я дышу. Легко дышу. Как будто никогда и не болел.

— Тихо, — Влад приложил палец к губам. — Никому не говори, ладно? Скажешь маме, что само прошло.

— А почему?

— Потому что если узнают взрослые — начнутся вопросы. А я не хочу отвечать. Поможешь?

Ванька кивнул, широко улыбнулся и обнял Влада за шею.

— Ты волшебник, дядя Влад.

— Нет, — Влад погладил его по голове. — Я электрик.

На следующий день тётя Катя встретила Влада во дворе и рассказала, что Ванька спал всю ночь без приступа, проснулся бодрым и даже в школу собрался без капризов.

— Чудо какое-то, — сказала она. — Может, лекарство новое помогло?

— Может, — уклончиво ответил Влад.

Он ушёл на работу с лёгким сердцем. Впервые за долгое время он чувствовал, что сделал что-то по-настоящему правильное. Не лампочку починил — живого человека.

Но радость быстро сменилась тревогой. А вдруг он навредил? А вдруг астма вернётся? А вдруг он перегрузил мальчика своей энергией?

— Не переживай, — сказала Лена, когда Влад поделился сомнениями. — Ты сделал всё правильно. Я же чувствую — он добрый мальчик. И ты ему помог.

— Откуда ты знаешь?

— Аура, — усмехнулась Лена. — Ты научил меня видеть. Помнишь?

Действительно, Лена оказалась способной ученицей. Всего за несколько дней она научилась различать цвета ауры — не так чётко, как Влад, но достаточно, чтобы определить: добрый человек или злой. Золотистый оттенок означал доброту, чистоту, открытость. Серый — усталость, болезнь, закрытость. Чёрный — злобу, зависть, тьму.

— Ты быстро учишься, — заметил Влад.

— Учитель хороший, — Лена улыбнулась.

Они встречались каждый вечер. Сидели на скамейке у пруда, гуляли по посёлку, разговаривали. Всё больше — о жизни, о смерти, о смысле. И всё меньше — о бытовых мелочах.

— Знаешь, — сказала Лена как-то вечером. — Я за тобой наблюдаю. Ты часто задерживаешься у постели тяжёлых пациентов. Дольше, чем надо для работы.

Влад напрягся.

— Просто проверяю розетки, — неуверенно сказал он.

— Врёшь, — Лена посмотрела ему прямо в глаза. — Ты их лечишь. Правда?

Влад молчал. Потом вздохнул и кивнул.

— Пытаюсь. Не всех. Только тех, кого ты одобрила.

— Я знаю, — Лена взяла его за руку. — Я не злюсь. Я хочу помочь.

В следующий раз Влад «лечил» деда-ветерана.

Дед Павел лежал в мужском отделении — восемьдесят два года, сердце, суставы, одышка. Лежачий, но с ясным умом и живыми глазами. Аура — тусклая, серая, с большими чёрными пятнами в области сердца. Но золотая нить внутри ещё теплилась — слабая, тонкая, но не разорванная.

— Добрый, — определила Лена. — Очень добрый. Всю жизнь людям помогал. Можно попробовать.

Влад зашёл к деду Павлу под вечер, когда в отделении стихало. Принёс с собой фиксатор для розетки — для отвода глаз, если кто войдёт.

— Здорово, дед, — сказал он, присаживаясь на кровать. — Розетки проверяю. Вы не против?

— Да проверяй, сынок, — дед Павел улыбнулся беззубым ртом. — Мне уже всё равно. Жить осталось — неделя, не больше.

— Не говорите так, — Влад положил руку ему на грудь. — Может, ещё поживёте.

— Куда мне? Восемьдесят два. Дети выросли, внуки — в городе. Жена умерла пять лет назад. Один я. На кого жить?

Влад не ответил. Он закрыл глаза, позвал солнечную силу. Тепло потекло из макушки, по позвоночнику, в руку, в ладонь — и в сердце деда.

И тут дверь открылась.

Влад не услышал — он был в трансе. Но почувствовал, как в комнату вошла Лена. Её золотистая аура полыхнула тревогой.

— Влад, — тихо сказала она. — Что ты делаешь?

Он открыл глаза. Убрал руку с груди деда. Тот спал — глубоко, спокойно, с ровным дыханием.

— Лечу, — честно сказал Влад.

Лена подошла ближе, села на край кровати. Посмотрела на деда Павла, потом на Влада.

— Получается?

— Вроде да. Чёрные пятна уменьшились. Пульс стал ровнее.

— А ты не боишься?

— Боюсь, — признался Влад. — Каждый раз боюсь. Но если я не буду этого делать — кто будет?

Лена долго молчала. Потом взяла его руку и положила себе на колени.

— Покажи, как ты это делаешь, — попросила она.

— Что?

— Ну, процесс. Как ты направляешь энергию. Я хочу понять. Может, и я смогу.

Влад улыбнулся.

— Закрой глаза, — сказал он. — Представь солнце. Не просто как свет, а как источник жизни. Как сердце, которое бьётся и даёт тепло всему миру.

Лена закрыла глаза.

— Представила.

— Теперь представь, что от солнца идёт луч. Прямо к тебе. Входит в макушку, спускается по позвоночнику. Чувствуешь?

— Тепло, — прошептала Лена. — Горячо.

— Не бойся. Пусть течёт. Теперь представь, что этот луч идёт из твоей ладони — туда, где нужно помочь.

Лена открыла глаза, посмотрела на свои руки.

— Ничего не получается, — разочарованно сказала она.

— Получится. Ты уже чувствуешь ауру. Это больше, чем у большинства людей. Остальное — тренировки.

— Ты будешь меня учить?

— Если хочешь.

— Хочу, — твёрдо сказала Лена. — Хочу быть полезной. Не просто чувствовать — помогать.

В дед Павел зашевелился, открыл глаза.

— О, — сказал он, увидев Лену. — Медсестричка пришла. А это кто с тобой? — он кивнул на Влада.

— Электрик, — улыбнулась Лена. — Розетки чинит.

— Пусть чинит, — дед Павел вздохнул. — Хороший мужик. Тёплый. Как от него исходит что-то.

Влад и Лена переглянулись.

— Отдыхайте, дед, — сказал Влад, вставая. — Мы завтра зайдём.

Они вышли в коридор. Лена взяла Влада под руку.

— Слушай, — сказала она. — Я придумала тебе название.

— Какое?

— Проводник. Потому что ты проводишь солнечную силу туда, где она нужна. Как провод, только живой.

Влад усмехнулся.

— Проводник, значит. Звучит гордо.

— А тебе нравится?

— Нравится, — признался он. — Лучше, чем «целитель» или «маг». Проводник — это по-рабочему.

Они вышли из больницы. Вечер был тёплым, звёздным. Влад смотрел на небо и видел нити, соединяющие звёзды с землёй. Лена смотрела на него и видела его ауру — золотисто-голубую, пульсирующую.

— Пойдём ко мне, — сказала она. — Поговорим. О важном.

— О чём именно?

— О сути вещей. О Боге. О том, зачем мы здесь.

Влад кивнул. Он сам хотел этого разговора.

Квартира Лены была маленькой — однушка с ободранными обоями, старым диваном и иконой в углу. Небогато, но чисто. Пахло травами и ещё чем-то сладким — может, духами, может, самим её присутствием.

— Чай будешь? — спросила Лена, включая чайник.

— Буду.

Они сели на кухне. Чай, печенье, тишина за окном. И разговор, который длился до полуночи.

— Расскажи про Аркаим, — попросила Лена. — Подробно. Как ты там был, что чувствовал, что понял.

Влад рассказывал. Про звон в воздухе, про голубой свет над камнями, про старика-проводника, который исчез. Про дерево, которое ожило под его рукой. Про солнце, которое стало для него не просто светилом, а источником жизни.

— Я раньше думал, что Бог — это что-то далёкое, — сказал Влад. — В церковь не ходил, молитв не знал. А теперь понял: Бог — это всё. И солнце, и земля, и дерево, и человек. Одна большая сеть. И мы в ней — провода.

— А я в Бога верю, — тихо сказала Лена. — Но не как в церкви. Не в попа, не в обряды. А в того, кто внутри. В искру. В ту самую, которую ты видишь у добрых людей.

— Ты веришь, что есть жизнь после смерти?

— Верю. Но не рай с адом. А продолжение. Как энергия не исчезает — перетекает из одного в другое. Как твой ток. Выключил лампочку — но проводка осталась. И в любой момент можно включить снова.

Влад задумался.

— А что ты думаешь о смысле жизни? — спросил он.

— Думаю, что смысл — в том, чтобы зажигать других, — Лена посмотрела ему прямо в глаза. — Не гаснуть самому и помогать гореть тем, кто потух. Как ты лечишь добрых людей. Как я чувствую их ауру. Мы — как спички. Или как провода.

— Проводники, — улыбнулся Влад.

— Да. Проводники света.

Они замолчали. Влад взял её за руку. И снова — искра. Голубая, живая, пульсирующая.

— Знаешь, — сказал он. — Я раньше думал, что один такой. Чокнутый электрик, который видит то, чего нет. А теперь вижу — не один. Ты такая же.

— Я не вижу, — покачала головой Лена. — Я чувствую. Это слабее.

— Но ты тоже проводник. Просто другого типа. Ты чувствуешь суть — добрый человек или злой. Это важно. Без тебя я бы лечил вслепую.

— Значит, мы вместе сильнее?

— Сильнее. Как две фазы. Когда соединяются — свет горит ярче.

Лена засмеялась:

— Ты уже это говорил.

— И ещё скажу, — Влад сжал её руку. — Потому что это правда.

Они сидели на кухне до тех пор, пока за окном не начало светать. Говорили о жизни, о смерти, о Боге, о смысле. Спорили, соглашались, удивлялись. И чувствовали, как их ауры переплетаются всё теснее.

— Давай договоримся, — сказала Лена под утро. — Ты лечишь. Я проверяю, кто добрый. И мы никому не рассказываем.

— А если кто-то узнает?

— Скажем, что массаж. Или народная медицина. Люди верят во что угодно, только не в правду.

— Это точно, — вздохнул Влад.

Он встал, потянулся. Усталости не было — только лёгкость и тепло внутри.

— Мне на работу через два часа, — сказал он. — Пойду, хоть час посплю.

— Оставайся, — тихо сказала Лена. — Диван раскладывается.

Влад посмотрел на неё. В её глазах горела та же искра, что и в его груди.

— Останусь, — сказал он.

Он лёг на диван, Лена — на кровать. Дверь между комнатами была открыта. Они не спали — смотрели в потолок и слушали, как дышит другой.

— Влад, — прошептала Лена.

— Мм?

— Ты веришь в судьбу?

— Раньше нет. А теперь — да.

— Почему?

— Потому что судьба свела меня с тобой, — сказал он. — А это дорогого стоит.

Лена ничего не ответила. Но Влад услышал, как она улыбнулась.

Он закрыл глаза и провалился в сон — глубокий, спокойный, без снов. И снилось ему только солнце. Огромное, золотое, пульсирующее в такт его сердцу.

А наутро он проснулся от запаха блинов.

— Вставай, Проводник, — сказала Лена, стоя у плиты. — Завтракать будем. А потом — чинить мир.

Влад сел на диване, потёр глаза.

— Чинить мир, — повторил он. — Звучит как план.

— Не план, — Лена подмигнула. — Судьба.

Они позавтракали блинами с мёдом, выпили чай и пошли на работу — держась за руки, светясь аурами, готовые к новым испытаниям.

Потому что вместе они были сильнее. Как две фазы. Как провод и розетка. Как солнце и земля.

Как любовь и свет.

Глава 8. Аура в полночь

После той ночи что-то изменилось.

Влад и Лена стали неразлучны. Он заходил в женское отделение под любым предлогом — проверить розетку, поменять лампу, посмотреть щиток. Она прибегала в мужское — принести лекарства, измерить давление, просто «случайно» оказаться рядом. Коллеги переглядывались и улыбались.

— Влюбились, — говорила Марья Ивановна. — И хорошо. Молодые, красивые.

— Какие молодые? — ворчал дядя Вася. — Владу тридцать пять, Лене под тридцать. Самое время.

А Влад и Лена не обращали внимания на сплетни. Они были заняты важным делом — изучением дара.

— Закрой глаза, — сказал Влад однажды вечером, сидя с Леной на скамейке у пруда. — Теперь смотри внутрь себя.

— Как это? — не поняла Лена.

— Ну, представь, что у тебя внутри есть экран. И на этом экране ты видишь то, что чувствуешь.

Лена закрыла глаза. Морщила лоб, напрягалась. Влад наблюдал за её аурой — она пульсировала неровно, то разгоралась, то угасала.

— Не получается, — разочарованно сказала Лена.

— Получается. Просто ты слишком стараешься. А надо расслабиться. Как в медитации. Отпусти контроль.

— Я медсестра, — усмехнулась Лена. — У меня контроль в крови.

— Забудь, что ты медсестра. Забудь, кто ты. Просто будь.

Лена вздохнула, выдохнула. Расслабила плечи. И вдруг ахнула:

— Ой!

— Что?

— Я вижу! — она открыла глаза. — Нет, не вижу — чувствую. Цвета. У тебя аура золотисто-голубая. У того дерева — зелёная с серебром. У воды — синяя, прозрачная.

— Молодец, — улыбнулся Влад. — У тебя открылось внутреннее зрение.

— Это ты научил.

— Это ты способная.

С каждым днём Лена видела всё лучше. Сначала только цвета ауры — яркие или тусклые, тёплые или холодные. Потом — оттенки: золотистый у добрых, серый у уставших, чёрный у злых. Потом — нюансы: красные вспышки гнева, розовые волны радости, фиолетовые сгустки страха.

— У деда Петровича в третьей палате страх, — сказала она однажды. — Фиолетовый, густой, как кисель. Он боится смерти.

— А у Ваньки? — спросил Влад про соседского мальчика.

— У Ваньки радость. Ярко-розовая, с искрами. Он тебя вспоминал.

Влад гордился своей ученицей. Она схватывала на лету, быстрее, чем он сам когда-то. Может, потому что у неё уже был опыт — с детства она чувствовала людей. А теперь просто научилась переводить это чувство в образы.

— Ты прирождённый проводник, — сказал ей Влад.

— Нет, — покачала головой Лена. — Я — навигатор. Я вижу, куда идти. А ты — проводник. Ты даёшь силу.

Они медитировали вместе каждое утро. Вставали в пять, шли к пруду, садились лицом к востоку. Солнце поднималось, и они вдвоём впускали его лучи — через макушку, через сердце, через каждую клетку.

Влад учил Лёну не только видеть, но и накапливать энергию.

— Представь, что ты — аккумулятор, — говорил он. — Солнце даёт ток. Ты его принимаешь. Сохраняешь. А потом отдаёшь тому, кто нуждается.

— Я не умею отдавать, — жаловалась Лёна.

— Умеешь. Ты медсестра. Ты каждый день отдаёшь — заботу, внимание, лекарства. Просто теперь будешь отдавать ещё и свет.

Лёна пробовала. Сначала у неё ничего не получалось — энергия застревала в груди, не шла дальше. Но через неделю тренировок она почувствовала, как тепло спускается по рукам, доходит до ладоней — и выходит наружу.

— Получилось! — закричала она, разбудив уток на пруду.

— Тише, — засмеялся Влад. — Весь посёлок разбудишь.

— А пусть. Пусть знают, что в нашей дыре есть проводники.

Но Влад был осторожнее. Он помнил слова старика: «Молчи. Иначе люди не поймут. Назовут сектантом, психом, шарлатаном». Поэтому они держали свой дар в тайне. Только друг для друга. И для тех, кому помогали — но те не знали, откуда берётся исцеление.

Однажды вечером Лёна предложила:

— Пойдём в костёл.

— В какой костёл?

— Заброшенный. На окраине посёлка. Там раньше католики были, а теперь никого. Тихо, спокойно. И энергия там особенная.

Влад согласился.

Костёл стоял на холме — маленький, из красного кирпича, с облупившейся штукатуркой и выбитыми окнами. Крыша местами провалилась, дверь скрипела на ржавых петлях. Внутри пахло пылью, сыростью и чем-то старым, забытым.

— Зачем нас сюда принесло? — спросил Влад, оглядываясь.

— Посмотри на стены, — сказала Лёна.

Влад посмотрел и ахнул.

Стены костёла были покрыты остатками фресок — неярких, выцветших, но живых. И над ними — над каждой фреской, над каждым кусочком штукатурки — струился слабый золотистый свет. Тот же самый, что в Аркаиме. Только тише, спокойнее.

— Здесь молились, — сказала Лёна. — Люди приходили с открытыми сердцами. И стены запомнили. Знаешь, как в Аркаиме камни помнят — так и здесь.

— Ты это видишь? — удивился Влад.

— Чувствую. А ты?

— Вижу. — Он подошёл к стене, провёл ладонью по кирпичу. Тёплый, пульсирующий. Как живой. — Невероятно.

Они прошли в центр костёла. Там, где раньше был алтарь, теперь стоял старый деревянный стол — видимо, кто-то притащил для пикника, но бросил. Сверху — слой пыли и птичий помёт.

— Давай сядем здесь, — предложила Лёна. — Прямо на полу. Как в Аркаиме.

— На полу холодно.

— А ты включи свою энергию. Согреешь.

Влад усмехнулся, но сел. Лёна — напротив. Они взялись за руки.

— Закрой глаза, — сказал Влад. — Теперь представь, что мы — одно целое. Не два человека, а одна цепь. Моя энергия течёт к тебе, твоя — ко мне.

— А если замкнёт?

— Значит, так надо.

Лена закрыла глаза. Влад тоже. Он почувствовал, как его аура — золотисто-голубая, пульсирующая — начинает тянуться к Лениной. Та — золотистая, с искрами — отвечала. Они переплетались, как провода, как лозы, как реки.

— Я чувствую, — прошептала Лена. — Твоё тепло. Твой свет. Твою душу.

— И я твою, — ответил Влад.

Он открыл глаза и увидел невероятное. Их ауры — две разные, но похожие — сплетались в одну. Не сливались, нет — переплетались, как две нити в канате. Каждая оставалась собой, но вместе становилась прочнее.

— Лен, — тихо сказал он. — Посмотри.

Она открыла глаза. Посмотрела на их руки — и ахнула.

— Это... это красиво, — прошептала она. — Как звёзды.

— Как мы, — поправил Влад.

Они сидели, держась за руки, и смотрели, как их ауры танцуют. Искры перелетали от одного к другому — голубые, золотые, розовые. В костёле стало светлее — остатки фресок засияли ярче, как будто проснулись.

— Влад, — сказала Лена.

— Мм?

— Поцелуй меня.

Влад замер. Он хотел этого с первой минуты, как увидел её в женском отделении. Но боялся. Боялся, что его дар — его электричество — повредит ей. Перегрузит. Сожжёт.

— Я боюсь, — честно сказал он.

— Чего?

— Мой ток. Он сильный. Может, больно будет.

— А ты попробуй, — Лена улыбнулась. — Ты же электрик. Должен знать, как регулировать напряжение.

Влад наклонился. Медленно, осторожно. Лена не отводила глаз. Её аура полыхнула ярче — от волнения, от желания.

Их губы встретились.

И мир взорвался искрами.

Влад почувствовал, как ток пробежал от губ по всему телу — не больно, а приятно, как если бы лёгкое покалывание разлилось по коже. Лена вздрогнула, но не отстранилась. Наоборот — придвинулась ближе.

Искры летали вокруг них — голубые, золотые, белые. Освещали тёмный костёл, падали на пол, на стены, на алтарь. Старые фрески засветились ярко, как будто кто-то включил подсветку.

Поцелуй длился вечность. А может, секунду. Влад потерял счёт времени.

Когда они отстранились, оба тяжело дышали. Губы покалывало, как от батарейки — знакомая с детства слабая вибрация.

— Ох, — выдохнула Лена. — Это было... это было как в розетку сунуть пальцы. Но приятно.

— Я же говорил, — усмехнулся Влад. — Ток.

Они засмеялись. Сели рядом, прислонившись друг к другу. Ауры больше не переплетались — они стали почти одним целым. Общее свечение, общий пульс.

— Ты не просто электрик, — прошептала Лена, положив голову ему на плечо. — Ты — проводник.

— А ты — моя искра, — ответил Влад. — Без тебя я бы просто светил в пустоту.

Они сидели в заброшенном костёле до полуночи. Говорили о пустяках — и о главном. Смеялись. Молчали. Смотрели на звёзды сквозь дырявую крышу.

— Влад, — сказала Лена. — А что будет, если мы соединим наши дары? Ты видишь энергию, я — суть людей. Вместе мы можем помогать тем, кто действительно нуждается.

— Уже помогаем, — напомнил он.

— Мало. Мы можем больше. Открыть центр? Лечить добрых людей бесплатно?

— Рано, — покачал головой Влад. — Мы ещё не готовы. Я не умею лечить сложные болезни. Ты только учишься видеть. Пока — маленькие шаги. Соседский мальчик, дед-ветеран, тётя с гипертонией. По одному. Тихо. Без шума.

— Ты прав, — вздохнула Лена. — Я нетерпеливая.

— Это хорошо. Значит, будешь меня подгонять.

Она чмокнула его в щёку. Снова ток — слабый, приятный.

— Слушай, — сказал Влад. — А почему ты назвала меня Проводником?

— Потому что ты проводишь свет, — просто ответила Лена. — От солнца — туда, где темно. Это красиво.

— А я тебя как назову?

— Как хочешь.

— Ты — моя заземление, — улыбнулся Влад. — Без тебя я бы перегорел.

Она засмеялась, толкнула его в плечо:

— Я не заземление! Я — вторая фаза.

— Тогда мы — две фазы. Когда соединяемся — свет горит ярче.

— Ты это уже говорил сто раз.

— И ещё сто скажу. Потому что это правда.

Они вышли из костёла за полночь. Посёлок спал — только фонари моргали да собаки лаяли в отдалении. Влад держал Лену за руку. Их ауры светились в темноте — неярко, но достаточно, чтобы освещать дорогу.

— Люди увидят, — заметила Лена.

— Не увидят. Они спят. И даже если увидят — решат, что светит луна.

Луна действительно светила — полная, круглая, серебряная. Но светила она не только с неба. Она отражалась в их аурах, делая их ещё ярче.

— Знаешь, — сказала Лена, когда они дошли до её дома. — Я никогда не верила в любовь с первого взгляда. А теперь верю.

— Почему?

— Потому что я увидела твою ауру — и поняла. Ты — мой проводник. А я — твоя искра. Они поцеловались на прощание. Снова ток, снова искры, снова мир взрывается цветом.

— До завтра, — прошептал Влад.

— До завтра, Проводник.

Он пошёл домой, светясь изнутри. Шарик встретил его у двери, обнюхал и чихнул — аура изменилась, стала ярче, теплее.

— Знаешь, Шарик, — сказал Влад, раздеваясь. — Кажется, я влюбился. По-настоящему. Не как в молодости — в животе бабочки. А как-то глубже. Всем существом.

Шарик вильнул хвостом.

— И она — такая же. Она видит то, что я вижу. Чувствует то, что я чувствую. Мы — одно.

Он лёг в кровать, закрыл глаза. Внутри пульсировала золотая искра — не его, Ленина. Они обменялись частичками света.

— Две фазы, — прошептал Влад. — Одна цепь.

И уснул с улыбкой.

А где-то в другом конце посёлка Лена лежала без сна, смотрела в потолок и улыбалась. Её губы всё ещё покалывало — ток не проходил.

— Проводник, — прошептала она. — Мой проводник.

И закрыла глаза, чтобы увидеть во сне золотисто-голубое сияние — его ауру, его душу, его свет.

Глава 9. Короткое замыкание зла

Всё случилось в пятницу вечером.

Влад сидел на кухне, пил чай, гладил Шарика. Лена должна была прийти после смены — они планировали сходить на пруд, посмотреть на звёзды, помедитировать. Настроение было хорошим, спокойным. За окном темнело, фонари зажигались один за другим — Влад видел, как ток бежит по проводам, ровный, без помех.

— Хороший вечер, — сказал он Шарику. — Тихий.

Шарик насторожил уши. Влад тоже услышал — крик. Женский, резкий, полный боли.

— Опять, — прошептал он.

Он знал этот крик. Дом напротив, квартира на первом этаже — там жили Петровы. Он, Серёга, мужик лет сорока, выпивал каждый день. Она, Наташа, тихая, забитая женщина, работала уборщицей в школе. И двое детей — маленьких, которые боялись отца.

Раньше Влад не вмешивался. Вызывал полицию, те приезжали, составляли протокол, уезжали. Серёга на неделю затихал, потом снова брался за своё. Классика. Бесконечный круг.

Но сегодня Влад был другим.

Он надел куртку, вышел на улицу. Подошёл к дому Петровых. Крики стали громче — и не только женские. Дети плакали. Серёга орал матом, бил кого-то, что-то падало, разбивалось.

Влад зашёл в подъезд. Дверь в квартиру была приоткрыта — выбита, наверное, в очередном приступе ярости.

— Серёга! — крикнул Влад, входя. — Хватит!

В прихожей было темно. Влад включил внутреннее зрение и увидел всё: Наташа сидела в углу, разбитая губа, синяк под глазом, аура — серая, рваная, с чёрными пятнами страха. Дети — в спальне, забились под кровать, их ауры — бледно-розовые, дрожащие.

И Серёга.

Серёга стоял посреди комнаты, сжимая кулаки. Его аура была чёрной. Не серой, не тёмно-синей — чёрной, как сажа, как дёготь, как бездна. Из неё торчали красные нити — гнев, ярость, желание причинять боль.

— Ты кто такой? — заорал Серёга, поворачиваясь к Владу. — Леший? Вали отсюда, пока цел!

— Успокойся, — сказал Влад, стараясь говорить ровно. — Наташа, выведи детей.

Наташа попыталась встать, но Серёга рванул к ней:

— Никуда она не пойдёт! Она моя жена! Что хочу, то и делаю!

Влад видел, как красные нити в его ауре вспыхнули, как искры в коротком замыкании. И внутри что-то щёлкнуло. Тот самый выключатель, который включался, когда он лечил — но на этот раз по-другому. Не на исцеление. На наказание.

«Отключи его, — прошептал внутренний голос. — Прекрати это. Ты можешь. У тебя есть сила».

Влад не думал. Он действовал инстинктивно — как электрик, который видит перегрузку в сети и отключает рубильник.

Он шагнул к Серёге, протянул руку и направил поток. Не солнечный, не целительный — другой. Тот, который сам никогда не использовал. Ток обиды. Ток боли. Ток всего того, что Серёга сделал своей семье.

Энергия вырвалась из ладони — горячая, жгучая, чёрная с красным. Она ударила в грудь Серёги, и тот замер. Глаза расширились, рот открылся, но звука не было. Он стоял, как парализованный, и его чёрная аура начала трескаться — как лёд под ногами.

— Влад! — раздался крик Лены. — Остановись!

Она вбежала в квартиру, схватила его за руку. Её аура — золотистая, с искрами — вспыхнула ярко, перекрывая чёрный поток.

— Ты его убьёшь! — закричала она. — Прекрати!

Влад отдёргнул руку. Серёга рухнул на пол, как подкошенный. Не дышал. Лицо — синее, глаза — закрыты.

— О боже, — прошептал Влад. — Я... я убил его?

Лена бросилась к Серёге, проверила пульс. Вздохнула с облегчением:

— Жив. Без сознания, но жив. Пульс есть.

— Что я наделал? — Влад отступил к стене, прислонился спиной к обоям. Руки дрожали. Внутри — пустота. Ни тепла, ни света, ни искры. Только холод и ужас.

— Ты хотел как лучше, — сказала Лена, подходя к нему. — Но выбрал неправильный путь.

— Он бил её. Детей. Годами. Никто не мог остановить.

— И ты решил стать палачом?

— Я хотел его отключить. Как розетку. Чтобы не работал.

— Люди — не розетки, Влад, — Лена взяла его за лицо, заставила смотреть в глаза. — Их нельзя просто взять и выключить. Они живучие, как сорняки. И если ты начнёшь наказывать — ты станешь таким же, как он.

— Я не такой! — закричал Влад.

— А кто такой? — Лена не повышала голоса. Говорила тихо, но твёрдо. — Тот, кто решает, кому жить, а кому умереть? Тот, кто берёт на себя право судить? Мы не боги, Влад. Мы — проводы. Провод не выбирает, кому светить. Он просто светит. Всем, кто открыт.

Влад молчал. В голове крутились обрывки мыслей: «Я чуть не убил человека. Я чуть не стал убийцей. Я — проводник света — чуть не погасил чужую жизнь».

— Что мне теперь делать? — прошептал он.

— Пойдём домой, — Лена взяла его за руку. — Наташа, вы с детьми идите к соседке. А этому, — она кивнула на Серёгу, — вызовем скорую. Скажем, что упал, ударился головой. И ни слова про Влада.

— Я никому не скажу, — тихо сказала Наташа. Она смотрела на Влада с благоговением и страхом одновременно. — Спасибо. Но... не надо так больше. Он всё равно не исправится.

— Я понял, — выдавил Влад. — Простите.

Он вышел из квартиры на подгибающихся ногах. Лена вела его под руку, как больного. Шли медленно, молча. В посёлке горели фонари — Влад видел, как ток бежит по проводам, но теперь это его не радовало. Наоборот — напоминало о том, что он чуть не сделал.

Дома он сел на диван и устался в одну точку. Лена раздела его, как ребёнка, сняла куртку, ботинки. Поставила чайник.

— Пей, — сказала она, подавая кружку с ромашкой.

Влад не пил. Смотрел на свои руки — те самые, которые оживляли деревья, лечили мальчика с астмой, помогали деду-ветерану. А теперь чуть не убили человека.

— Я монстр, — сказал он. — Я хуже Серёги. Он бьёт от злости. А я — от силы. С холодной головой.

— Ты не монстр, — Лена села рядом. — Ты испугался. И ошибся. Все ошибаются.

— Я мог его убить, Лен. Ты видела? Его аура трескалась, как стекла. Ещё секунда — и он бы умер. От моей руки.

— Но не умер. Я остановила.

— А если в следующий раз меня не остановят?

Лена не ответила. Она обняла его, прижалась щекой к плечу. Влад чувствовал её тепло, её ауру — золотистую, спокойную, ровную. Она не боялась его. Не отворачивалась. Но Влад боялся себя.

Он не выходил из дома три дня.

Лена приходила каждый вечер — приносила еду, рассказывала новости, пыталась разговаривать. Но Влад сидел на диване, смотрел в окно и молчал. Шарик лежал у ног и вздыхал.

— Серёга очнулся в больнице, — сказала Лена на второй день. — Врачи сказали — инсульт. Лёгкий, но будет восстанавливаться долго.

— Я его покалечил, — прошептал Влад.

— Ты его остановил. По-другому он бы не понял. И Наташа с детьми уехала к матери в другой город. Она сказала спасибо.

— Ей не за что меня благодарить. Я — опасность.

— Ты — человек, который хотел защитить слабых, — твёрдо сказала Лена. — Это не преступление.

— А чуть не убил — это не преступление?

— Ты не хотел. Ты потерял контроль.

— Значит, мой дар опасен, — Влад наконец посмотрел на неё. — Я не могу его контролировать. В любой момент могу кого-то убить. Это не дар. Это проклятие.

Лена вздохнула. Села напротив, взяла его руки в свои.

— Слушай меня, — сказала она. — Твой дар — не проклятие. Он — как электричество. Током можно убить — если сунуть пальцы в розетку. А можно включить лампу — и будет свет. Ты просто не научился регулировать напряжение. Мы научимся. Вместе.

— А если не получится?

— Получится. Я верю в тебя.

Влад покачал головой. Встал, подошёл к окну. За стеклом — серый посёлок, серые люди, серая жизнь. И он — электрик, который умеет чинить лампочки и почти умеет убивать.

— Мы не боги, — повторил он слова Лены. — Мы — провода. Провод не выбирает, кому светить.

— Именно, — Лена подошла сзади, обняла его за талию. — Ты просто проводишь свет. Не твоё дело — судить, достоин ли человек этого света. Твоё дело — светить. Или не светить. Но если ты начинаешь судить — ты становишься не проводником, а выключателем.

Влад повернулся к ней.

— А как же зло? Его не останавливать?

— Останавливать, но по-другому, — Лена посмотрела ему в глаза. — Не наказанием — исцелением. Не отключением — включением. Может, если бы кто-то вовремя помог Серёге, он не стал бы таким. Может, в нём тоже была искра — но её залили водкой, злобой, обидой. Ты не пытался её найти. Ты сразу ударил.

— А ты бы смогла?

— Я бы попробовала. Потому что я — медсестра. Моя работа — лечить, а не наказывать.

Влад опустил голову.

— Ты права, — сказал он тихо. — Я струсил. Испугался за Наташу, за детей — и ударил первым. Не подумал, не попробовал понять. Просто — короткое замыкание.

— Не кори себя, — Лена погладила его по спине. — Ты человек. Ты имеешь право на ошибку. Главное — сделать выводы.

— Я сделал, — Влад поднял голову. — Больше никогда не буду наказывать. Никого. Даже самых чёрных. Буду лечить или не буду. Но наказывать — нет.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Лена поцеловала его в щёку. Слабый ток — не больно, не страшно. Только тепло.

— Тогда выходи из дома, — сказала она. — Завтра на работу. Дядя Вася звонил — щиток в подвале опять гудит. Без тебя не справляются.

— Не хочу никого видеть, — признался Влад.

— А ты не смотри на людей. Смотри на провода. На лампочки. На ток. Работа поможет отвлечься.

Влад вздохнул, кивнул.

На четвёртый день он вышел на работу. Дядя Вася обрадовался, хлопнул по плечу:

— Пропал, думали, уволился!

— Болел, — коротко ответил Влад.

— Выглядишь хреново. Поспал бы ещё.

— Не могу. Щиток где?

Влад спустился в подвал. Открыл старый щиток — провода гудели, искрили, контакты окислились. Работа привычная, механическая. Но сегодня он делал её иначе — медленно, осознанно, с мыслью о том, что каждый провод — как человек. Где-то ток идёт ровно, где-то спотыкается, где-то вот-вот перегорит.

— Не надо выключать, — прошептал он, чистя контакт. — Надо чинить. Даже если провод старый, ржавый, почти мёртвый. Починишь — и пойдёт ток.

Он работал до вечера. Починил щиток, заменил перегоревшие провода, затянул клеммы. Гул стих, искры исчезли. Влад вытер руки, посмотрел на свою работу — и впервые за четыре дня почувствовал что-то похожее на покой.

— Молодец, — сказал он себе. — Ты — электрик. Твоё дело — чинить. Не выключать.

Он вышел из подвала. На улице темнело, зажигались фонари. Влад посмотрел на них и улыбнулся — слабо, но впервые за много дней.

— Проводник, — сказал он. — Ты — проводник. Не судья. Не палач. Просто провод.

Лена ждала его на скамейке у пруда.

— Ну как? — спросила она.

— Починил щиток, — Влад сел рядом. — И себя немного.

— Это хорошо.

Они сидели, смотрели на воду. Лена взяла его за руку. Их ауры переплелись — золотисто-голубая и золотая с искрами. Не так ярко, как раньше, но ровно, спокойно.

— Влад, — сказала Лена. — Ты простил себя?

— Нет ещё. Но работаю над этим.

— Я помогу.

— Знаю.

Они замолчали. Вдалеке залаяла собака, где-то хлопнула дверь, зажёгся ещё один фонарь. Обычный вечер в обычной посёлке. Но Влад чувствовал — мир стал чуть светлее. Потому что он сделал выбор. Не наказывать. Чинить.

Даже если провод старый, ржавый, почти мёртвый.

— Пойдём домой, — сказала Лена. — Я блинов напекла.

— Пойдём, — кивнул Влад.

Они пошли, держась за руки. Их ауры светились в темноте — неярко, но достаточно, чтобы освещать дорогу. И Влад знал — это только начало. Впереди много работы. Над собой, над своим даром, над миром.

Но он больше не боялся.

Потому что понял: зло не побеждают злом. Зло побеждают светом. Ровным, спокойным, терпеливым. Как ток в хорошем проводе.

Глава 10. Заземление гордыни

Слухи расползаются быстро. Особенно в маленьком посёлке.

Через месяц после истории с Серёгой Влад заметил, что на него стали смотреть иначе. Не как на обычного электрика — как на кого-то особенного. Соседка тётя Клава перекрестилась, когда он проходил мимо. Продавщица в магазине положила лишний батон «за просто так». Дядя Гриша с удочкой сказал: «Ты, Влад, прям святой стал. Или колдун. Я не понял».

— Обычный я, — отмахивался Влад. — Электрик.

— Ага, — подмигивал Гриша. — Который мальчика Ваньку от астмы вылечил. И деда Павла от одышки. И Наташку от мужа-алкаша спас. Мы не слепые, Влад. Люди видят.

Влад напрягся. Он не рассказывал никому о своих способностях — ни о лечении, ни о Серёге. Но посёлок есть посёлок. Стены здесь прозрачнее, чем провода в его больнице.

— Слухи, — сказал он Лене вечером. — Плохо.

— Почему плохо? — Лена пожала плечами. — Ты делаешь добро. Пусть люди знают.

— Знаешь поговорку? — Влад закурил — опять начал, после истории с Серёгой срыв был. — «Не делай добра — не получишь зла». Люди узнают — начнут просить. А я не могу всем помочь. И не всем хочу.

— Вот и будешь отказывать, — просто сказала Лена.

— Легко сказать.

Легко сказать, но трудно сделать.

Первыми пришли бабки. Тётя Клава, тётя Зина, тётя Паша — три подруги, которые сидели на лавочке у подъезда и знали всё про всех.

— Влад, — сказала тётя Клава, перехватив его у дверей. — У меня ноги болят. Сосуды, понимаешь. Врачи говорят — таблетки, уколы. А я верю, что ты поможешь.

— Я не врач, — попытался отмазаться Влад.

— А кто? — тётя Клава посмотрела на него проницательно. — Ты Ваньку вылечил. Дышит теперь свободно. Мы знаем.

Влад вздохнул. Посмотрел на её ауру — серую, с чёрными пятнами в ногах, но золотая нить внутри теплилась. Добрая бабка, всю жизнь на работе, детей подняла, внуков нянчила.

— Ладно, — сказал он. — Приходите вечером. Но никому.

Тётя Клава пришла не одна — с двумя вёдрами яиц и куском сала.

— Это тебе, — сказала она. — За труд.

— Не надо, — отмахнулся Влад. — Я не за деньги.

— А я не деньги даю. Я — душу. Прими, не обижай.

Влад принял. Лечил тётю Клаву — положил руки на голени, закрыл глаза, позвал солнечную энергию. Чёрные пятна таяли медленно — сосуды были старые, забитые, запущенные. Но золотая нить внутри бабки помогала — она тянула свет, как сухая земля воду.

Через полчаса тётя Клава встала, прошла по комнате.

— Ой, — сказала она. — Легко-то как. Ноги не болят. Чудо!

— Не чудо, — устало сказал Влад. — Просто... починил немного.

— Ты — целитель, Влад. Бог тебя отметил.

— Я электрик.

— Электрик, которого Бог отметил, — тётя Клава перекрестилась и ушла.

Через два дня пришла тётя Зина с больной спиной. Через неделю — тётя Паша с давлением. Потом — мужик с соседней улицы, у которого радикулит. Потом — женщина с рынка, у которой дочь бесплодная.

Влад лечил. Не всех — только тех, у кого в ауре была золотая нить. Тех, кто по-настоящему нуждался. Тех, кто был добрым.

Но всё равно — поток людей рос. Бабки несли яйца, молоко, сало, домашние пироги. Мужики — самогон, рыбу, иногда деньги. Влад отказывался, но люди обижались.

— Ты не уважаешь, — говорили они. — Мы от души.

Влад брал. Но внутри закрадывалось сомнение: не слишком ли много он берёт? Не слишком ли много отдаёт?

— Ты устаёшь, — заметила Лена. — После каждого лечения — как выжатый лимон.

— Восстанавливаюсь, — отмахивался Влад. — Медитирую с солнцем.

— А солнце слушается?

Влад промолчал. Потому что в последнее время солнце слушалось хуже. Лучи входили не так глубоко, тепло поднималось не так быстро. Как будто где-то в цепи появилось сопротивление.

Он не придавал этому значения. Списал на усталость, на осеннюю хандру, на то, что дни стали короче.

Но ошибался.

Всё изменилось в один вторник.

Влад работал в подвале — менял старую проводку. Лена забежала запыхавшаяся, с круглыми глазами:

— Влад, там к тебе приехали.

— Кто?

— Не знаю. На чёрной машине. Дорогой. Спрашивают электрика Влада, который лечит.

Влад вытер руки, поднялся наверх. У входа в больницу стоял чёрный джип с тонированными стёклами. Рядом — двое крепких парней в чёрных куртках. И мужчина — лет пятидесяти, в дорогом пальто, с золотым перстнем на пальце.

— Вы Владислав? — спросил мужчина, окидывая Влада оценивающим взглядом. — Электрик?

— Я, — настороженно ответил Влад.

— Меня зовут Виктор Петрович. Слышал о вас. Говорят, вы умеете... лечить. Нетрадиционно.

— Слухи преувеличены, — сказал Влад. — Я просто электрик.

— Не скромничайте, — Виктор Петрович усмехнулся. — Я навожу справки. У вас получается. И мне нужна ваша помощь.

— Какая?

Мужчина оглянулся на охранников, те отошли. Лена тоже хотела уйти, но Влад жестом остановил её — останься.

— Проблема деликатная, — понизил голос Виктор Петрович. — Я... ну, как бы это сказать... мужчина в полном расцвете сил, но последний год... не работает. Понимаете?

— Импотенция? — прямо спросил Влад.

Виктор Петрович поморщился:

— Можно и так сказать. Врачи разводят руками — всё в порядке, анализы хорошие, а... не работает. Говорят, психосоматика. А я слышал, вы можете то, чего врачи не умеют.

— Я не уролог, — покачал головой Влад. — Я электрик.

— Вы — целитель, — твёрдо сказал Виктор Петрович. — И я готов заплатить. Хорошо заплатить.

Он достал из кармана конверт, протянул Владу. Тот открыл — и глаза округлились. Там была сумма, которую он зарабатывал за полгода. Или за год.

— Это только задаток, — сказал Виктор Петрович. — Если получится — доплату столько же.

Влад посмотрел на Лену. Та молчала, но в её глазах читалась тревога. Потом посмотрел на Виктора Петровича — на его ауру.

Она была странной. Не чёрной, как у Серёги. Но и не золотой. Серая, плотная, с красными вспышками — похоть, жадность, властолюбие. Золотой нити внутри не было. Вообще.

— Я подумаю, — сказал Влад.

— Не думайте долго, — Виктор Петрович протянул визитку. — У меня времени мало.

Он уехал. Влад остался стоять с конвертом в руках.

— Влад, — тихо сказала Лена. — Ты не можешь его лечить.

— Почему?

— Посмотри на его ауру. Там нет золотой нити. Он не добрый. Он — пустой. Ты ему не поможешь, даже если захочешь.

— А деньги? — Влад поднял конверт. — Это же целое состояние, Лен. Я смогу дом купить. Машину. Шарику колбасы на всю жизнь.

— Ты ради денег начал? Или ради света? — Лена посмотрела ему прямо в глаза.

Влад замер.

— Что? — переспросил он.

— Я спрашиваю: зачем ты лечишь людей? Чтобы им помочь? Или чтобы разбогатеть?

— Я не беру деньги, — возразил Влад. — Я беру яйца, сало, пироги.

— А это не деньги? — Лена кивнула на конверт. — Просто другой номинал.

— Ты меня в чём упрекаешь? — Влад почувствовал, как внутри поднимается раздражение. — Я помогаю людям. Бесплатно. А если кто-то хочет отблагодарить — я не отказываюсь.

— А если кто-то хочет купить твою силу? — Лена не отступала. — Ты продашь?

— Не продам.

— А конверт уже в руках держишь.

Влад опустил глаза. Сжал конверт — бумага хрустнула. Внутри заворчалось что-то неприятное — стыд? Обида? Понимание?

— Ты права, — сказал он тихо. — Я... я задумался. На минуту. Но задумался.

— Это опасная минута, Влад, — Лена подошла ближе, взяла его за руку. — Твоя сила — не товар. Её нельзя продавать. Потому что если ты начнёшь брать деньги — ты начнёшь выбирать, кому помогать, по кошельку. А не по доброте. И тогда связь с солнцем оборвётся.

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую, — она прижала его ладонь к своей груди. — Твоя аура стала тусклее в последнее время. Ты устал. И не только физически. Ты начал думать о выгоде. О славе. О том, что ты — особенный. А это — гордыня, Влад. Она заземляет хуже любого короткого замыкания.

Влад молчал. Смотрел на конверт в своей руке — и вдруг увидел его не как деньги, а как чёрный сгусток энергии. Липкий, тяжёлый, он засасывал свет из его ауры.

— Я чувствую, — прошептал Влад. — Он меня тянет вниз.

— Отдай, — сказала Лена.

— Как? Он уехал. У него визитка есть.

— Отдай не ему. Отдай тому, кому это нужнее.

Влад подумал. Вспомнил тётю Клаву — у неё внук в инвалидной коляске, денег на лечение нет. Вспомнил Ваньку — его матери одной не поднять, муж бросил. Вспомнил деда Павла — пенсия крошечная, лекарства дорогие.

— Знаю, — сказал он. — Раздам.

Он так и сделал. Разделил деньги на три части — тёте Клаве на внука, Ванькиной маме на лекарства, деду Павлу на слуховой аппарат. Оставил себе только на колбасу Шарику.

И когда раздал последнюю купюру — почувствовал облегчение. Как будто с плеч сняли тяжёлый мешок.

В ту же ночь он сидел на крыльце, смотрел на луну и думал. Лена была рядом, молчала.

— Знаешь, — сказал Влад. — Я чуть не сорвался. Ещё немного — и я бы согласился. Деньги, машина, дом... Всё это так заманчиво.

— Поэтому и опасно, — ответила Лена. — Сила и деньги вместе — это как две фазы без заземления. Сожжёт всё.

— Откуда ты такая мудрая? — усмехнулся Влад.

— Жизнь научила, — она пожала плечами. — Я тоже хотела быть особенной. Думала, что мой дар — чувствовать людей — можно продать. Устроиться в хорошую клинику, диагностировать пациентов по ауре. Но поняла: нельзя. Потому что дар — не профессия. Это призвание.

— И как ты с этим живёшь?

— Живу. Работаю медсестрой за копейки. Вечерами помогаю тем, кто нуждается. И мне хватает.

Влад посмотрел на неё. В лунном свете её аура светилась ярко, ровно — золотистая, с искрами. Никакой гордыни, никакой жадности. Только свет.

— Ты — мой учитель, — сказал он.

— Нет, — улыбнулась Лена. — Я — твоё заземление.

Они засмеялись. Влад обнял её, прижал к себе. И впервые за долгое время почувствовал, как солнечная энергия возвращается — течёт по позвоночнику, разливается по телу, наполняет каждую клетку.

— Солнце простило, — прошептал он.

— Оно и не сердилось, — ответила Лена. — Это ты сам себя наказывал.

На следующий день Влад позвонил Виктору Петровичу по визитке.

— Не могу помочь, — сказал он. — Извините.

— Почему? — голос в трубке был недовольным. — Денег мало? Я доплачу.

— Дело не в деньгах, — твёрдо сказал Влад. — У вас нет того, что я лечу. Ищите другого.

Он положил трубку и выдохнул. Лена сидела рядом, улыбалась.

— Молодец, — сказала она.

— Трудно было, — признался Влад. — Очень трудно.

— А никто и не говорил, что будет легко.

Они пошли на работу — обычные люди, обычный посёлок, обычная больница. Но Влад знал: он прошёл испытание. Не деньгами — гордыней. И остался собой. Электриком, который чинит лампочки. И проводником, который дарит свет тем, кто в нём нуждается. Бесплатно. От души. Как солнце.

А вечером он снова сел на свой камень у пруда — лицом к западу, где солнце садилось за горизонт. Закрыл глаза, вдохнул, выдохнул. И почувствовал, как лучи входят в макушку, спускаются по позвоночнику, разливаются по рукам и ногам.

Связь вернулась. Чистая, ровная, без помех.

— Спасибо, — прошептал Влад. — За урок. Я запомнил.

И солнце — на минуту, перед тем как скрыться — вспыхнуло ярче, как будто улыбнулось.

Глава 11. Собрать две фазы

Это случилось в обычный вторник, после работы.

Влад сидел на кухне, пил чай, гладил Шарика. Лена пришла, как всегда, с тортиком — она любила радовать его выпечкой. Села напротив, положила руки на стол. И сказала:

— Влад, я переезжаю к тебе.

Он чуть не поперхнулся.

— Что? — переспросил он, вытирая подбородок.

— Переезжаю, — повторила Лена спокойно. — Устала жить одна. Устала ходить туда-сюда. Устала просыпаться без тебя. Ты устал? Я устала. Давай жить вместе.

Влад поставил кружку. Сердце забилося быстрее — не от страха, от радости. Но привычка всё анализировать включилась:

— А если не получится? Мы всего несколько месяцев вместе. Ты меня ещё не знаешь. Я по утрам злой, по ночам храплю, Шарик на кровати спит.

— Знаю, — Лена улыбнулась. — И Шарика люблю. И храп твой — как колыбельная. И злой ты только когда кофе не выпил. А я буду варить кофе.

— Лен, ты серьёзно?

— Серьёзней некуда, — она взяла его за руку. — Влад, мы — две фазы. Когда мы вместе — свет горит ярче. Когда порознь — тускнеет. Я это чувствую. Ты — видишь. Зачем нам дальше жить врозь?

Влад посмотрел на её ауру — золотистую, ровную, с искрами. Она не врала. Не сомневалась. Не боялась.

— Хорошо, — сказал он. — Переезжай.

Лена захлопала в ладоши, как ребёнок. Шарик залаял — обрадовался, хотя не понял, чему.

— Когда? — спросил Влад.

— Завтра.

— Так быстро?

— А чего тянуть? — Лена встала, поцеловала его в макушку. — Собирайся, завтра вечером я привожу чемодан.

И ушла. А Влад остался сидеть на кухне, смотреть на пустую кружку и улыбаться.

— Шарик, — сказал он собаке. — Кажется, у нас будет хозяйка.

Шарик вильнул хвостом — одобрил.

На следующий день Влад не работал — взял отгул. Убирал квартиру, мыл полы, протирал пыль там, где её никогда не было. Шарик бегал за ним, путался под ногами, мешал. Потом Влад сходил в магазин — купил продукты, цветы, новую зубную щётку для Лены. Потом — переставил мебель, чтобы в комнате было больше места для двоих.

К вечеру он стоял у окна и ждал.

Лена приехала на такси — с одним чемоданом, сумкой через плечо и пакетом с продуктами.

— Это всё? — удивился Влад.

— Всё, — кивнула она. — Я не люблю много вещей. Главное — это я. Остальное — приложится.

Она зашла в квартиру, огляделась.

— Чисто, — сказала она. — Уютно. Пахнет тобой и Шариком. Мне нравится.

— А ты думала, я в свинарнике живу?

— Думала, — усмехнулась Лена. — Приятно удивили.

Они распаковали чемодан. Ленины вещи заняли половину шкафа — немного, скромно. Рядом висели спецовки Влада — рядом, но как-то гармонично.

— Слушай, — сказал Влад, когда они закончили. — Что мы делаем?

— В смысле?

— Ну, мы — живём вместе. Как семья. А у нас даже разговора не было. О том, кто за что отвечает, как делим бюджет, кто готовит, кто убирает.

Лена села на диван, похлопала рядом.

— Садись, поговорим.

Влад сел. Шарик устроился у ног.

— Во-первых, — начала Лена. — Мы не просто живём вместе. Мы создаём «семейный круг».

— Это что?

— Это — пространство, где оба дарят свет. Где никто никому не должен. Где мы вместе медитируем, вместе молимся, вместе заряжаемся от солнца. Где каждый заботится о другом — не из чувства долга, а из любви.

— Красиво звучит, — сказал Влад. — А на практике?

— На практике: ты чинишь розетки — я готовлю ужин. Ты лечишь людей — я проверяю, кто добрый. Ты заряжаешься от солнца — я заряжаюсь от тебя. И наоборот.

— А деньги?

— У каждого свои. Но если одному не хватает — другой помогает. Без вопросов. Договорились?

— Договорились, — кивнул Влад. — А готовить ты умеешь?

— Умею, — Лена обиделась. — Я блины пекла. Помнишь?

— Помню. Вкусные были.

— Вот. А ты умеешь мыть посуду?

— Умею.

— Тогда договорились окончательно.

Они засмеялись, обнялись. Шарик залаял — одобрил и это.

Вечером они сидели на кухне, пили чай с Лениными пирожками. Разговаривали о пустяках — о погоде, о работе, о том, что у деда Павла давление нормализовалось. Но между словами текло что-то другое — ток, который становился сильнее, когда они были рядом.

— Влад, — сказала Лена. — А ты не боишься, что люди узнают про нас? Про наш дар? Про то, что мы живём вместе без росписи?

— А что люди? — Влад пожал плечами. — Люди всегда найдут, что сказать. Раньше говорили: «Влад — алкаш». Потом: «Влад — сектант». Теперь скажут: «Влад живёт с бабой без штампа». А мне всё равно. Главное — мы вместе. И мы светим.

— Светим, — согласилась Лена. — Только не забывай про заземление.

— Это ты у меня заземление.

— А ты — проводник.

Они допили чай, вымыли посуду — вместе, стоя у раковины плечом к плечу. Влад чувствовал её тепло, её ауру, её дыхание. И думал: «Как я раньше жил без неё?»

Первую ночь они не спали — разговаривали. Сидели на кровати, обнявшись, и говорили о важном. О жизни, о смерти, о смысле. О том, зачем они здесь, зачем им этот дар, зачем они встретились.

— Знаешь, — сказал Влад. — Я раньше думал, что смысл жизни — в работе. В том, чтобы менять лампочки, чинить розетки, чтобы людям было светло. А потом понял: лампочки — это только символ. Настоящий свет — внутри. И если ты его зажигаешь в других — это и есть смысл.

— А я раньше думала, что смысл — в любви, — сказала Лена. — В том, чтобы найти человека, с которым будешь не бояться темноты. А потом поняла: любовь — это не цель. Это способ. Способ светить ярче.

— И что теперь?

— Теперь я знаю: смысл — в том, чтобы зажигать других, оставаясь горящим самому. Как ты. Как мы.

Влад поцеловал её — нежно, без тока, просто так. И почувствовал, как их ауры переплетаются — не как раньше, а плотнее, глубже. Почти одно целое.

— Лен, — сказал он. — Я хочу тебе кое-что подарить.

— Что?

Он встал, подошёл к ящику с инструментами. Порылся, достал маленькую коробочку.

— Я сделал это сам, — сказал он, протягивая коробку.

Лена открыла. Внутри лежало кольцо — не золотое, не серебряное. Медное, грубоватое, явно ручной работы. На нём были выгравированы тонкие линии — как провода, как аура, как спираль из его сна.

— Медь — хороший проводник, — сказал Влад. — Я сделал это кольцо в память о том, что мы — проводники света. И что вместе мы — одна цепь.

Лена надела кольцо на палец. Оно подошло идеально.

— Ты сам сделал? — спросила она, разглядывая гравировку.

— Сам. В подвале, после работы. Три вечера возился.

— Ты — романтик, Влад.

— Я электрик, — улыбнулся он. — Романтик — это побочный эффект.

Они обнялись. И снова ток — слабый, приятный, согревающий.

— А у меня для тебя тоже подарок есть, — сказала Лена.

— Какой?

Она достала из чемодана маленькую икону — старую, потемневшую, с потёртым окладом.

— Это Никола Угодник, — сказала она. — Бабушкина икона. Она меня берегла всю жизнь. А теперь пусть бережёт тебя.

Влад взял икону. Потрогал пальцем потёртое дерево. И вдруг почувствовал, как от неё идёт тепло — не солнечное, другое, мягкое, спокойное.

— Я не верю в иконы, — сказал он.

— А ты не верь, — ответила Лена. — Просто прими. Как подарок. Как часть меня.

Влад повесил икону над кроватью. Рядом с ней — свою отвёртку. Как символ того, что он — электрик. И проводник.

Ночью они лежали в темноте, держались за руки и смотрели в потолок. Влад видел, как их ауры переплетаются — не как две разные нити, а почти как одна. Общее свечение, общий пульс, общее сердце.

— Лен, — прошептал он.

— Мм?

— Ты видишь? Наши ауры... они почти слились.

— Я чувствую, — ответила она. — Как будто мы — одно целое. Как будто я — это ты.

И ты — это я.

— Это нормально?

— Для нас — да. Для обычных людей — нет. Но мы же не обычные, правда?

— Правда, — улыбнулся Влад в темноту. — Мы — проводники.

Он закрыл глаза и подумал: «Смысл жизни — не в лампочках. Не в деньгах. Не в славе. Смысл — в том, чтобы зажигать других, оставаясь горящим самому. И если ты нашёл того, кто зажигает тебя — береги его. Потому что это и есть счастье».

Он повернулся к Лене, поцеловал её в лоб. Она вздохнула во сне — улыбнулась, наверное, что-то хорошее снилось.

— Спасибо, — прошептал Влад. — За свет. За тепло. За то, что ты есть.

И уснул — спокойно, глубоко, без снов. Потому что самый главный сон был рядом.

А наутро они встали в пять утра — вместе. Сели на коврик лицом к востоку. Закрыли глаза, взялись за руки. И впустили солнце.

Лучи вошли в макушки, спустились по позвоночникам, разлились по телам. Текли от одного к другому — по кругу, по спирали, по замкнутой цепи.

— Теперь мы — одна цепь, — сказал Влад.

— Одна цепь, — повторила Лена.

Они открыли глаза. В комнате стало светлее — не от солнца, от них самих.

— Влад, — сказала Лена. — Мы справимся?

— С чем?

— Со всем. С тёмными людьми, с жадностью, с гордыней, с испытаниями. Справимся?

— Справимся, — твёрдо сказал он. — Потому что мы — вместе. А вместе — мы сила.

— Как две фазы?

— Как две фазы, — улыбнулся Влад. — Когда соединяются — свет горит ярче.

Они встали, пошли на кухню. Лена — жарить блины, Влад — заваривать чай. Шарик бегал между ними, путался под ногами, просил колбасу.

Обычное утро. Обычная семья. Обычная жизнь.

Но за обычным скрывалось чудо — две ауры, которые стали почти одной. Два сердца, которые бились в унисон. Два проводника, которые нашли друг друга.

А в ящике с инструментами лежала старая лампочка — та самая, из больницы. Она больше не шептала. Она просто горела — ровно, спокойно, как и положено хорошей лампочке.

И Влад знал: это не конец. Это только начало.

Начало большого пути — двоих. Двух фаз. Одной цепи.

От автора: В дремучих лесах Древней Руси десятилетний сирота Светозар встречает старца Велимудра — хранителя древней Буковицы, где каждая из 49 букв — не просто звук, а живой сакральный символ, ключ к миру и к собственной душе. <https://author.today/work/564534>

Глава 12. Свет в конце провода

Это случилось в начале декабря.

Зима пришла внезапно — снег, мороз, ветер, который гудел в проводах как голодный зверь. Больница готовилась к холодам — Влад проверил всю проводку, заменил старые предохранители, утеплил щиток в подвале. Всё работало ровно, без помех.

— Теперь не отключимся, — сказал он дяде Васе. — Должно хватить на зиму.

— Дай бог, — вздохнул завхоз. — А то в прошлом году замёрзли.

Влад пошёл к Лене — они теперь работали в одной смене, он в мужском отделении, она в женском. Но каждую свободную минуту проводили вместе. В коридорах, в столовой, на крыльце — везде, где можно было перекинуться парой слов или просто посмотреть друг на друга.

— Влад, — сказала Лена, когда он зашёл к ней в процедурную. — У меня предчувствие плохое.

— Какое?

— Не знаю. Но что-то будет. Сегодня.

Влад посмотрел на её ауру — золотистую, ровную, но с лёгкими фиолетовыми вспышками. Тревога. Он и сам чувствовал — внутри что-то гудело, как трансформатор перед перегрузкой.

— Будем готовы, — сказал он. — Если что — я здесь.

Всё случилось в три часа дня.

Влад менял лампу в ординаторской, когда свет мигнул и погас. Потом зажётся снова — на секунду. Потом погас окончательно.

— Авария, — сказал дядя Вася, забежая. — На подстанции что-то рвануло. Всё отделение без света.

— Резерв?

— Не работает. Проводку пробило.

Влад выбежал на улицу. Над подстанцией — в трёх километрах от больницы — поднимался чёрный дым. Ветер гудел, провода качались, искрились в местах обрыва.

— Долго будут чинить? — спросил он у диспетчера по телефону.

— Часа четыре, не меньше. Авария серьёзная.

Четыре часа. В больнице — полсотни пациентов. В том числе — тяжёлые, на кислороде, на аппаратах. Без света — ни дыхания, ни мониторов, ни обогрева.

— Нельзя ждать, — сказал Влад.

Он посмотрел на небо. Солнце стояло низко — зимнее, бледное, но живое. Лучи тянулись к земле — тонкие, слабые, но Влад их видел. И чувствовал, как внутри откликается его собственная сила.

— Что ты задумал? — спросила Лена, подходя сзади.

— Хочу провести ток.

— Через себя?

— Через себя. В сеть.

— Это опасно, — Лена взяла его за руку. — Ты можешь сгореть.

— Не могу, — твёрдо сказал Влад. — Я — проводник. Проводник не сгорает. Он проводит ток.

Он подошёл к главному щитку — старому, ржавому, который сам же перебирал месяц назад. Открыл его. Внутри — мёртвые провода, без тока, без жизни. Но Влад знал: они могут ожить. Если дать им энергию.

— Лен, — сказал он. — Держи меня за руку. Чтобы я не упал.

Лена взяла его за руку — крепко, намертво. Её аура вспыхнула ярче — золотистая, с искрами. Она передавала ему свою силу, свою веру, свою любовь.

Влад закрыл глаза. Поднял свободную руку к солнцу. И позвал.

Сначала ничего не происходило. Только ветер выл, да снег кружился, да люди в окнах больницы смотрели на странного электрика, который стоял на крыльце с поднятой рукой.

— Что он делает? — спросил кто-то.

— Не знаю. Молится?

— Колдун, — прошептала тётя Клава.

— Тише вы, — сказала Марья Ивановна. — Он — наш электрик. Он спасёт.

Влад не слышал их. Он был в другом мире — там, где солнце говорило с землёй, где звёзды тянули нити к людям, где каждый камень помнил свой свет.

И вдруг — щелчок. Тот самый выключатель внутри. Тепло поднялось от копчика к макушке, растеклось по позвоночнику, по рёбрам, по рукам. Оно было горячим — почти обжигающим. Но Влад не отступил.

— Иди, — прошептал он. — Иди, куда надо.

Луч солнца — яркий, золотой, пульсирующий — вошёл в его макушку. Прошёл через тело, через сердце, через руки. И вырвался из ладони — прямо в щиток.

Провода ожили.

Сначала слабо, потом сильнее — по ним побежал ток. Голубоватый, живой, пульсирующий. Он заполнил пустоты, перескочил через разрывы, обошёл повреждённые участки.

В больнице зажёгся свет.

Не сразу — лампа за лампой, этаж за этажом. Сначала в подвале, потом на первом, потом на втором. Пациенты ахнули. Медсёстры перекрестились. Кто-то заплакал от облегчения.

— Получилось, — выдохнул Влад и открыл глаза.

Он стоял на крыльце, весь в поту, дрожащий, но живой. Лена держала его за руку — её аура потускнела, потому что она отдала ему почти всю свою силу.

— Ты как? — спросила она.

— Жив, — прошептал Влад. — Кажется.

Из больницы выбежали люди. Дядя Вася, Марья Ивановна, Коля Смирнов, тётя Клава с иконой. Смотрели на Влада с ужасом и благоговением.

— Это ты? — спросил дядя Вася. — Ты дал свет?

— Проводка ожила, — уклончиво ответил Влад. — Сама.

— Не сама, — тётя Клава перекрестилась. — Он святой.

— Не святой, — покачал головой Влад. — Электрик.

Он отошёл от щитка, пошатываясь. Лена поддержала его под руку.

— Пойдём домой, — сказала она. — Ты сделал всё, что мог.

— А больница? А пациенты?

— Свет есть. Обогреватели работают. Аппараты дышат. Всё хорошо. Теперь нужно, чтобы ты был жив.

Влад посмотрел на неё. В её глазах — слёзы, но не горя, а гордости.

— Пойдём, — согласился он.

Они пошли домой — медленно, обнявшись, оставляя следы на свежем снегу. Люди смотрели им вслед — кто с уважением, кто со страхом, кто с непониманием.

— Колдун, — прошептал кто-то.

— Проводник, — поправила тётя Клава. — Он свет провёл. Как по проводам. Через себя.

Дома Лена уложила Влада на диван, укрыла пледом, дала горячего чая с мёдом. Шарик лёг рядом, положил голову на грудь — грел, успокаивал.

— Ты рисковал, — сказала Лена, садясь рядом. — Очень рисковал.

— А кто, если не я? — Влад закрыл глаза. — Электрик в посёлке один. А без света — люди умрут.

— Но ты мог умереть сам.

— Не мог, — прошептал Влад. — Потому что меня держала ты.

Лена поцеловала его в лоб. Слабый ток — не обжигающий, согревающий.

— Отдыхай, — сказала она. — Завтра будет новый день.

— А что завтра?

— А завтра — починишь люстру в приёмной. Помнишь, она уже месяц не горит?

— Помню, — улыбнулся Влад. — Завтра починю.

Он уснул — крепко, без снов. И снилось ему только солнце — большое, тёплое, пульсирующее в такт его сердцу.

На следующий день Влад проснулся поздно — в десять утра. Впервые за много лет. Лена уже ушла на работу, оставила записку на столе: «Блины в духовке. Чай в термосе. Не забудь про люстру. Целую. Твоя фаза».

Влад улыбнулся, поел, выпил чай, погладил Шарика. И пошёл в больницу.

Люстра в приёмной висела ещё с советских времён — тяжёлая, с пятью плафонами, три из которых не горели. Влад принёс стремянку, новые лампочки.

— Будешь чинить? — спросила Марья Ивановна, проходя мимо.

— Буду, — кивнул Влад. — Обещал.

Он забрался на стремянку, снял плафоны. Проводка внутри люстры была старой — контакты окислились, изоляция потрескалась. Но Влад видел не только это. Он видел, как ток должен течь — ровно, спокойно, без помех.

— Сейчас починим, — сказал он люстре.

Он работал медленно, аккуратно — чистил контакты, менял проводку, затягивал клеммы. И напевал что-то себе под нос — не песню, а мелодию, которую слышал в Аркаиме. Земляную, древнюю, живую.

Через час всё было готово. Влад вкрутил последнюю лампочку — самую старую, которую нашёл в ящике. Ту самую, из шестой палаты. Та, что шептала.

— Давай, — сказал он. — Свети.

Он включил выключатель. Люстра вспыхнула — ярко, ровно, без моргания. Свет залил приёмную — тёплый, золотистый, живой.

— Ой, красиво-то как, — сказала Марья Ивановна. — Давно так светло не было.

Влад слез со стремянки, убрал инструменты. Посмотрел на своё отражение в оконном стекле — уставшее лицо, седина на висках, мешки под глазами. Обычный мужик. Электрик.

Но в отражении он увидел другое — золотистое свечение вокруг своего тела. Ауру. Ту самую, которую видел у других, но никогда — у себя.

«Я — проводник, — подумал он. — Я провожу свет. Не только через провода — через себя. Через свою жизнь».

Он вспомнил Аркаим — степь, звон в воздухе, голубой свет над камнями. Вспомнил старика, который исчез. Вспомнил дерево, ожившее под его рукой. Вспомнил Лену, её золотистую ауру с искрами.

«Смысл жизни — не в лампочках, — понял он. — Смысл — в том, чтобы зажигать других, оставаясь горящим самому. Солнце — это тоже лампочка. Только живая. И мы — такие же. Живые лампочки. Кто-то горит ярко, кто-то тускло, кто-то вообще погас. Но если есть проводник — всегда можно зажечь снова».

— Влад! — позвала Лена с другого конца коридора. — Ты закончил?

— Закончил, — ответил он.

— Тогда пойдём домой. Я суп сварила.

— Пойдём.

Они вышли из больницы. Снег падал крупными хлопьями, укрывая посёлок белым покрывалом. Влад взял Лену за руку. Их ауры переплелись — золотисто-голубая и золотая с искрами. Одна цепь. Две фазы.

— Лен, — сказал Влад.

— Мм?

— Ты знаешь, что солнце — это тоже лампочка?

— Какая?

— Живая. — Он посмотрел на небо, где сквозь тучи пробивался слабый зимний луч. — И мы — такие же. Живые лампочки. Главное — не перегореть.

— А если перегорим?

— Тогда нас починят, — улыбнулся Влад. — Есть же электрики.

Лена засмеялась, толкнула его в плечо.

— Ты — единственный электрик в посёлке.

— А я никуда не уйду, — сказал Влад. — Буду чинить. Лампочки, розетки, людей. Всё, что сломано.

— И меня?

— И тебя. Если сломаешься.

— А если ты сломаешься?

— Тогда ты починишь меня. Мы же — одна цепь.

Они подошли к дому. Шарик ждал у двери, вилял хвостом, лаял от радости.

— Ну что, — сказал Влад, открывая дверь. — Заходите. Будем жить.

— А смысл? — спросила Лена, переступая порог.

— А смысл — в самом моменте, — ответил Влад. — В том, чтобы светить. Пока горится.

Он закрыл дверь. За окном падал снег. Внутри горел свет — ровный, тёплый, живой.

И где-то далеко, в степи, стоял древний город. Он ждал. Он знал: придут другие. И тоже увидят свет.

А Влад — электрик, проводник, человек — сидел на кухне, пил чай с блинами, гладил Шарика и смотрел на Лену. И думал: «Вот он — смысл. Не в Аркаиме. Не в даре. Не в солнце. А в том, чтобы быть рядом с тем, кто зажигает тебя. И зажигаться самому».

Он взял её за руку. Почувствовал слабый ток — не обжигающий, согревающий.

— Люблю тебя, — сказал он.

— И я тебя, — ответила Лена. — Мой проводник.

Они улыбнулись. И свет — тот самый, который они провели через себя — засиял ярче. Освещая не только комнату, но и что-то глубоко внутри. То, что называют душой.

А за окном всё падал снег. И где-то в степи, в древнем Аркаиме, камни пульсировали в такт их сердцам. Потому что они помнили. И ждали. И знали — свет никогда не гаснет. Он просто перетекает из одного провода в другой. Из одного сердца в другое. Из одной жизни — в бесконечность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.